

ОКЛЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЕДЬМАЯ
КНИГА

ИЮЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1938

Из переписки А. П. Чехова с О. Л. Книппер

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

ЧИТАТЕЛИ журнала «Октябрь», вероятно, уже знакомы с перепиской А. П. Чехова и жены его, артистки Московского Художественного театра, О. Л. Книппер; первые два тома названной переписки, вышедшие в свет в 1934 и 1937 гг., дают о ней достаточно ясное представление. Третьим томом, в настоящее время подготавливаемым к печати, эта переписка завершается.

В составе этого тома есть своего рода центральное ядро: это — все то, что относится к замыслу, созданию и затем постановке на сцене «Вишневого сада», последней пьесы Чехова, поныне не сходящей с репертуара. Работа Чехова над ней проходила с огромным напряжением в силу целого ряда причин. Во-первых, Чехов с течением времени становился все строже и взыскательнее к самому себе, к своим произведениям. Во-вторых, к работе он приступил с совершенно подорванным здоровьем, почти на краю могилы. Наконец, очень существенным обстоятельством было и то, что замысел «Вишневого сада» был чрезвычайно своеобразен и нов: в этой пьесе Чехов стремился дать смешение резко различных элементов драматического с комическим, быть может даже с преобладанием последнего. В то же время пьеса эта составляла завершение той чеховской драматургической линии, которая наметилась уже в его «Иванове» и затем прошла через «Лешего», «Чайку», «Дядю Ваню» и «Три сестры» — линии замены внешнего действия — действием незаметным, «подводным течением» в развитии сюжета.

Вот почему работа над «Вишневым садом» тянулась так долго и была порой

так тяжела и даже мучительна для автора. Естественно поэтому, что и в переписке его она нашла гораздо более обширное отражение, чем работа Чехова над его предшествующими пьесами.

Из этой переписки мы даем читателю наиболее важную и интересную часть: письма, относящиеся к самому последнему фазису работы над пьесой, отклики театра на получение «Вишневого сада», первые впечатления актеров и режиссеров, начало и затем развитие работы по постановке.

Два слова о самих корреспондентах в этот период переписки. Как известно, большую часть года А. П. Чехов бывал вынужден, по требованию врачей, проводить в Ялте, между тем как О. Л. Книппер, как артистка МХТ, прикована была к Москве. Поэтому подлинными праздниками для них бывали летние промежутки между театральными сезонами, которые они проводили вместе, обычно где-нибудь под Москвой. Лето 1903 г. они также провели под Москвой, а затем уехали оба в Ялту. Прогостив на даче Аятона Павловича, О. Л. Книппер 19 сентября уехала в Москву и с этого момента возобновилась их переписка.

Письма печатаются с подлинников, с соблюдением особенностей их орфографии. Технические условные значки — общепринятые: слова или части слов, добавленные редактором, заключены в угловые скобки. Знак многоточия в таких же скобках показывает, что в данном месте сделана купюра.

Комментарии, по сравнению с отдельным изданием писем, даны здесь в очень сокращенном виде.

А. Дерман.

1. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

12 окт[ября] 1903 г. [Ялта].

И так, лошадка, да здравствуют мое и ваше долготерпение! Пьеса уже окончена, окончательно окончена и завтра вечером, или самое позднее 14-го утром будет послана в Москву. Одновременно я пришло тебе кое какие примечания. Если понадобятся переделки, то, как мне кажется, очень небольшие. Самое нехорошее в пьесе это то, что я писал ее не в один присест, а долго, очень долго, так что должна чувствоваться некоторая тягучесть. Ну, да там увидим.

Здоровье мое поправляется, я уже не кашляю много и уже не бегаю. С отъездом Машин¹ обеды стали конечно похуже; сегодня например подана была за обедом баранина, которой мне нельзя есть теперь, и так пришлось без жаркого. Ем очень хороший кисель. Ветчина солонючая, есть трудно. Яйца ем.

Дуся, как мне трудно было писать пьесу!

Скажи Вишневскому², чтобы он нашел мне место акцизного. Я написал для него роль, только боюсь, что после Антония, эта роль, сделанная Антоном, покажется ему неизящной, угловатой. Впрочем, играть он будет аристократа. Твоя роль сделана только в III и I актах, в остальных она только намазана. Но опять таки ничего, я не падаю духом. А Станиславскому стыдно трусить. Ведь он начал так храбро, играл Тригорина, как хотел, а теперь нос вешает оттого, что его не хвалит Эфрос.

Ну, гургулька, не ропщи на меня, господь с тобой. Я тебя люблю и буду любить. Могу тебя и побить. Обнимаю тебя и целую.

Твой А.

2. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

12 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Только один день пропустила, а кажется что целую вечность не писала тебе, дорогой мой. Как ты себя чувствуешь? Как с мушкой управляешься? Я рада, что ты пишешь мне и о кишечках твоих, пиши о всем, о всем. Я люблю это.

Вишневый сад ждут с адским нетерпением. Время идет зря и ничего не работают, и волнуются. Начинать что либо другое не стоит, т. к. все таки скоро надеются приняться за Вишни, а время то идет. Присылай милый, скорее. Вчера после «На дне» я с Качаловым ездили к Леон. Андрееву, кот. живет чорт знает где, в Грузинах. Маша раскисла и не поехала. Мне М-ше Андреева прислала письмо, звала нас с Машей. Было много народа и по моему скука зеленая. По зале бродили полусонные мужчины, в кабинете сидели полусонные дамы. Перечту тебе народ: Вересаев с женой, Голоушев, Бунины братья, Телешов, Найденов, Зайцев, Росинский, прис. пов. Сталь с красивой женой и который заговорил меня за ужином, М. Ф. Желябужская с Женичкой, какой то доктор Добров, какие то дамы. Накурено сильно, тусклое какое то освещение. Или я чужда этому обществу, или что нибудь другое, но было скучно и непонятно для чего люди собираются. Для разговоров, для обмена мыслей? Не понимаю. Голоушев говорил что наш театр должен ставить Шницлера, д'Аннунцио, все что есть нового одним словом, т. е. по моему сделать театр не солидным, не долговечным. Говорил что не надо и нельзя обучать драмат. искусству, привел в пример Качалова; а если бы он знал сколько этот Качалов работал и работает! Голоушев какой-то милый, но ветхозаветный. Он хотя и хвалит Цезаря, но находит что можно бы его и не ставить, что это не наше дело. Это уже совсем глупо. Мне как то просто неприятно быть на людях, в толпе, или же надо быть ближе к этому кружку, чтобы люди интересовали; а самое интересное было бы присутствовать скромным наблюдателем и потому жалею, что приходится бывать в обществе артисткой худож. театра.

Вчера и третьего дня, на Цезаре и «На дне» был Дягилев. Цезаря я смотрела опять, с Машей вместе. Дягилеву нравится очень Станисл., Качалов, и Вишневский на Форуме. Вообще нравится. Вчера во время Дна он приходил в уборную ко мне; ему нравится игра, но пьеса только местами. Вчера играли хорошо. Во время Цезаря дамы давали прощальный чай Тихомирову у нас в фойе. Поднесли альбом с карточками. Было серо также как и сама личность Тихомирова.

На Цезаре видела Якунчикова, он был с товар. министра кн. Оболенским с кот. и я познакомилась, болтали. Ну, будь здоров дусик. Целую тебя нежно. Шнап кланяется. Радуюсь играть Три сестры.

Твоя Оля.

3. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

13 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Утро сырое, утро туманное... Пишу при открытом окне. Немного попела сегодня. Голос ржавый.

Вчера сыграла «Три сестры». Все счастливы; играли крепко, бодро, прием был великолепный, после 4-го акта почти овационный. И сбор хороший был. Конст. Серг. рад был играть Вершинина, и от радости в 1-м акте представился Андрею: Прозоров. Мы все чуть не лопнули от смеха¹. Федотика играл Андреев. Я любила Тихомирова в этой роли. Была у меня Зинаида Морозова, принесла твою карточку, снятую в Вильве. Очень хорошо, и я рада была увидеть дусика моего на скамеечке, под деревом. Куплю рамку и оставлю фотографию в уборной. Зинаида нашла во мне большую перемену [...]. В 4-м акте я поплакала всласть. Очень хорошо играли и слушала публика изумительно. Ведь ты наш автор ты это должен чувствовать, должен понимать, что мы как дома в твоих пьесах, играем с любовью.

Вчера днем был у нас Конст. Серг., ей суп с пирогом, а доканчивать обед поехал домой. Мария Петр. целует тебя, и вчера отлично играла Наташу, не боялась, не волновалась. Маманя опять придала фрукт, шоколаду.

Спасибо за Мир Искусства, но я уже это читала где то.—Значит, ты теперь временный председатель общества любит. росс. словесности? Поздравляю дусик.

Получила вчера от Крестовской очень трогательное письмо, не знаю почему, зовут все в Петербург хоть на три дня. Заходила к Эберле вчера. Ей лучше, но все же надо быть очень осторожной, работать ей пока еще нельзя. Надо пожить покойно, а то после грусти, или после веселья ей делается хуже.

Пришли полотеры. До завтра, дорогой мой. Будь здоров, моя радость, будь ве-

сел и роди скорее Вишневу сад. Целую тебя.

Оля твоя.

4. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

Телеграмма [14 октября 1903 г., Ялта].

Пьеса уже послана здоров целую кланяюсь Антонио.

5. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

14 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Что ты все ворчишь, бабушка! Альтшуллера я сам позвал, так как мне стало неважно, надоело бегать. Он назначил мне съедать по 8 яиц в день и есть тертую ветчину. А Маша тут решительно ни при чем. Без тебя я как без рук, точно я на необитаемом острове.

И так, пьеса послана, получишь ее вероятно одновременно с этим письмом. Прилагаю конвертик, прочтешь, когда познакомишься с пьесой. Немедленно, по прочтении телеграфируй. Отдашь Немировичу, скажешь, чтобы и он прислал мне телеграмму, дабы я знал, как и что. Попроси его, чтобы пьеса держалась в секрете, чтобы она не попала до постановки Эфросу и прочим. Не люблю я ненужных разговоров.

Твои письма не веселы, ты хандришь. Не хорошо это, мой дусик. А сегодня так и вовсе от тебя нет письма. Если что не так в театре, то ведь неудачи так естественны и ведь обязательно будут год-два, когда театр будет терпеть одни неудачи. Надо держаться крепко. Станиславский в прошлые годы был крепок, а теперь и его сдвинули с места, захандрил.

Здоровье мое хорошо. Третьего дня вечером стал болеть живот, проболел вчера весь день, а сегодня все благополучно. Сегодня я отменил яйца, буду есть вполтину меньше. Вчера был Альтшуллер, выслушивал, разрешил проехаться в город. Я не надоел тебе со своими медицинскими разговорами? Неужели нет?

Я читал, что телеграф попорчен от Москвы до Харькова, моя телеграмма опоздает очень. Завтра сажусь писать рассказ, не спеша. Мне не верится, что я уже не пишу пьесы. Верить ли, два раза

переписывал на чисто. Постарел твой муж и, если ты заведешь себе какогонибудь вздыхателя, то уж я не имею права быть в претензии.

Если что надумали поставить новое, то пиши мне, роднуля. Все пиши.

Будь здорова, лошадка. Читай пьесу, внимательно читай. В пьесе у меня тоже есть лошадь. Благославляю тебя и обнимаю много раз... Господь с тобой.

Твой А.

1) Любовь Андреевну играть будешь ты, ибо больше некому. Она одета не роскошно, но с большим вкусом. Умна, очень добра, рассеяна; ко всем ласкается, всегда улыбка на лице.

2) Аню должна играть непременно молоденькая актриса.

2) Варя — быть может, эту роль возьмет Мария Петровна¹.

3) Гаев — для Вишневого. Попроси Вишневого, чтобы он прислушался, как играют на билиарде, и записал бы побольше билиардных терминов. Я не играю на билиарде, или когда то играл, а теперь все позабыл, и в пьесе у меня все случайно. Потом с Вишневым мы сговоримся и я впишу все, что нужно...

4) Лопахин — Станиславский.

5) Трофимов студент — Качалов.

6) Симеонов-Пищик — Грибунин.

7) Шарлотта — знак вопроса. В четвертом акте я вставляю еще ее слова; вчера у меня очень болел живот, когда я переписывал IV акт, и я не мог вписать ничего нового. Шарлотта в IV акте проделает фокус с калошами Трофимова. Раевская не сыграет. Тут должна быть актриса с юмором.

8) Епиходов — быть может, не откажется взять Лужский.

9) Фирс — Артем.

10) Яша — Москвин.

Если пьеса пойдет, то скажи, что произведу все переделки, какие потребуются для соблюдения условий сцены. Время у меня есть, хотя, признаюсь, пьеса надоела мне ужасно. Если что неясно в пьесе, то напиши.

Дом старый, барский; когда то жили в нем очень богато и это должно чувствоваться в обстановке. Богато и уютно.

Варя грубоватая и глуповатая, но очень добрая.

6. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

14 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Спасибо милый мой, что не забываешь свою лошадку, что пишешь часто. Я счастлива что тебе немного лучше и что меньше ходишь «туда». [...]

Сегодня утром проснулась с помертвевшей рукой, которая никак не могла ожить, пока ее не помассировала Аннушка.

Вчера неожиданно приехал Михаил Павл.¹ из Одессы прямо. Пробудет несколько дней вероятно. Велел тебе написать что по всей России [...] усиленно покупают Чехова, а Чехова нигде достать нельзя. Вот видишь! Ты конечно этому не веришь, я чувствую. — Приходил Членов, пили чай, разговаривали.

Потом Мих. Павл. поехал к Ивану а мы с Машей отправились к Коршу смотреть «Волны» Амфитеатрова. И обстановка и пьеса и игра в высшей степени вульгарны и балаганны. Я понимаю что ее забраковали в Петербурге. Мне было очень скучно, хотя коршевской публике вероятно нравилось, смеялись. Но вызовы жидки. Ужасно все грубо.

Вообще пьес нет, все проваливается, как вчера пьеса Тимковского, несмотря на то что играли все первачи. Скучно кругом отчаянно. В пятницу после Дяди Вани собираемся с Лужскими поехать в Тестова. После завтра Лужские обедают у меня, позову Женичку Раевскую. Она бедная, с отчаяния лишит себя жизни, когда выяснится что ей нет роли в Вишн. саду. Брута Лужский не будет играть, это глупости.

Что тебе еще написать? На днях начну ходить к Крейн лечить и чинить зубы; она живет у нас во дворе, только в доме кот. выходит на улицу.

Привезли мне рояльчик, но хуже чем в прошлом году.

Кому ты дусик, кукиши показываешь по утрам? Кто приходит к тебе с подушкой и свечой и через несколько часов опять уходит? Кто, кто?..

А умывальник у меня чудесный теперь, удобный. Присылать ли тебе фуражку и порошок зубной? Напиши.

Целую тебя, моего дорогого [...].

Твоя Оля.

Как мамашино здоровье?

7. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

15 окт[ября] 1903 г. Ялта].

Здравствуй, лошадка. Только что был у меня Костя, приезжал верхом. Теперь он говорит хорошо о Михайловском, хвалит его. Кстати сказать, на днях он переехал к С. П. Бонье, живет у нее, и я сказал, что напишу тебе и что ты будешь дразнить его. Она была у меня, очень хвалила его.

Я беспокоюсь, телеграф разрушен метелями, и моя телеграмма еще вероятно не дошла до тебя. Насчет своей пьесы не имею никаких определенных ожиданий, она надоела мне и потому не нравится. Я отдыхаю теперь.

Здоровье мое все лучше и лучше. Вчера я мало ел, дал себе отдых, а сегодня опять ел, как прорва. Бедная женщина, иметь такого мужа-объедалу!

Вчера я потребовал от кухарки лист, оставленный Машей (программа моих обедов), и оказалось, что она, кухарка, ни разу не готовила по этому листу. Мне то и дело подавали жареную говядину, баранину, севрюжину, суп с нетертым картофелем, а этого то в листе и нет. Я поднял историю, просил не готовить ничего; кончилось примирением и вот сегодня в первый раз ел обед по расписанию.

Надо бы, дуська, поехать постричься, а погода скверная, ветер, набережную, говорят, заливают.

Ну, пиши мне, моя лошадка, нацарапай письмо подлиннее своим копытцем. Я тебя люблю, мое золото. Обнимаю тебя.

Твой А.

Скажи Маше, мать здорова.

8. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

15 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Урааа!.. Вишневы сад едет!!! Кому ни скажу — все ликуют, все лица озаляются. Милый, дорогой мой, у тебя верно точно бремя с души свалилось, правда? С каким безумным волнением я буду читать пьесу! И сейчас, при одной мысли, сердце бьется. Если бы ты видел, как все в труппе оживилось, заволновались, расспрашивали!

Милый ты мой!

И так — жду.

Как ты себя чувствуешь, дорогой мой? Как кишечки?

Шнап всегда лежит у моих ног, когда я пишу тебе.

Вчера играли «На дне». Плохо как-то принимали. После 4-го акта вызвали только раз — никогда не бывало. А я вчера могла бы слушать Добрыню Никитича — оперу Гречанинова, у мамы был билет, и она отдала бы мне его, т. к. была уже на генеральной репетиции. Очень хвалит оперу, а от Шалыпина в восторге.

Сегодня пойду в наш прежний театр слушать «Вертера» Массне. Петрова останется контрмарку.

Была вчера у бабушки жизнерадостной. У нее прямо таки приемный день был, визит за визитом, и она сияла, а вечером тоже в Добрыню отправилась.

Наконец повесили драпировки в моей комнате, верблужьи с белым наверху, как я тебе показывала в Ялте и вышло очень красиво и дешево: 25 р. целых три окна.

Был вчера Мих. Павл., пил чай, показывал игрушки детям, кот. он везет, материи для супруги и прислуги.

Дусик, в Русские ведомости поместить надо не воззвание, я знаю что оные запрещены а просто, так, заметочку. Из Русск. слова мне прислали напечат. листик, с замечанием цензуры, что нужно на это разрешение Медич. института. Как странно! Напишу Куркину.

Кланяйся Косте, дорогой мой, скажи, что я целую его и буду ждать его с женой в Москве.

Кланяйся мамаше и всем, кто меня знает, хотя никому не пужен мой поклон. Целую тебя по хорошему, приятненько.

Твой Венгереч.

9. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

16 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Зачем тебя кормят бараниной, дорогой мой? Запрети. Умоляю тебя.

Ты рад что кончил пьесу? Теперь починаешь на лаврах? Ты говоришь, трудно было писать? Это оттого, что не один присест. Ну теперь конечно, слава богу.

Сегодня принимаемся за «Одиноких». Лужский — отец, Качалов — Иоганн. Вчера я начала слегка заниматься с одной ученицей в роли Груни в «Не так живи как хочется» Островского. Не знаю что выйдет. Днем не состоялась репетиция Столпов и мы все сидели и беседовали у Влад. Ивановича. Настроение неприятное в общем. Конст. Серг. всеми силами хочет доказать что [...] так Шекспира нельзя ставить. Морозов тоже Немировичу ни слова не сказал о Цезаре. [...]. Сколько труда, любви, такой крупный успех и все это не признается его же товарищами. Мне обидно очень. [...]

Вечером были на «Вертере», в нашем старом театре. Какая прелестная опера, если бы ты знал! Сколько изящества, мелодии, как то примиряет, смягчает эта музыка и я отдыхала. Вертер и Шарлота — какое милое, простое, трогательное чувство. Так чисто и свежо. Мне было ужасно приятно. В антракте ходили за кулисы к Петровой. Я чуть не заплакала, когда вошла и увидела наши уборные. Сколько там пережито! Моя вся жизнь там. Ведь у меня не было раньше жизни, было скучное предисловие. Я с трудом удержала слезы. А как там грязно, серо, противно! Неузнаваемо.

Обедал у нас вчера Володя Чехов, играл с Шнапом. Была Нина Корш.

Завтра жду пьесу.

Целую тебя много, много раз, мой милый, хочу видеть тебя. Отдыхай, читай мои письма и не забывай меня.

Твоя Оля.

10. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

17. окт[ября] 1903 г. Ялта).

Лошадка, вчера я был в городе, я остригся и помолодел лет на восемь. Сегодня долго сидел в саду, пока солнце не спряталось под туман.

Получил от Горького телеграмму, просит пьесу для своего сборника, предлагает по 1500 р. за лист. И я не знаю, что ответить, так как во первых нет еще ответа из Москвы, и во вторых по условию с Марксом я могу давать свои произведения только в повременные издания (т. е. газеты и журналы), или благотворительные сборники.

В пьесе кое что надо переделать и доделать, для этого достаточно, мне ка-

жется, 15 минут. Не доделан IV акт и кое что надо пошевелить во II, да пожалуй изменить 2-3 слова в окончании III, а то пожалуй похоже на конец «Дяди Вани».

Если пьеса теперь не сгодится, то не падай духом, лошадка, не унывай, через месяц я ее так переделаю, что не узнаешь. Ведь я ее писал томительно долго, с большими антрактами, с расстройством желудка, с кашлем.

В кухне пока готовят по росписанию. Все исправно. Наш Арсений сидит около бабушки и благодушествует, но работает совсем мало.

Напиши, как идут сборы на Юлия Цезаря.

Получил письмо от Иваненко.

Жду телеграммы¹, никак не дождусь. Обнимаю тебя, моя родная.

Твой А.

11. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

17. окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Я поздно легла, дусик милый. До 3-х часов сидела при двух догоревших свечах, а потом при одной, у рояля, напевая песенку из Одиноких и сочиняла новую Анну Мар, и блаженствовала. Не хотелось шевелиться, не хотелось спать, не хотелось потерять новую Анну. Вся комната в полутьме, только два огарка, и тишина мертвая. Если бы мне удалось так ее передать на сцене, как я ее теперь чувствую. Я теперь буду в лихорадке, пока не почувствую на сцене что я ею овладела. И сейчас волнуясь.

Вчера днем прочитывали два акта Одиноких, для Лужского и Качалова, и вспоминали, как мелко играл Мейерхольд. Москвин острил.

Обедали у нас Лужские, очень уютно болтали. Перед обедом заходил ко мне некий Стариков, товарищ по гимназии брата Кости, и мы с тех пор не виделись, представь. Он слышал от Гриневского, что якобы мы ищем землю и он находясь в критич. положении как я поняла, продает свое имение: от Клива 41½ версты 4 — по шоссе, 16 десятин, два дома зимних, парк, роща, показывал фотографии. Т. к. я спешила, плохо вникала, то и не поняла что он за 12000 р. продает, или пока толь-

эту сумму внести. Он уж очень не во время пришел. Сегодня он уезжает в Темир-Хан-Шуру; а я могу съездить к его жене узнать обо всем. Узнать или не стоит? Далеко порядочно от Москвы.

Вечером заходил Иван Павл. за Корш. билетом. Был Влад. Ив., с которым я говорила об Анне Мар и когда он ушел, я села за нее, и просидела до 3-х час. Встала в 10 ч. хотя проснулась после 8-ми. Кофе пью и газеты читаю в постели. Это может не изящно, но как я встану на ноги, у меня является столько дел, что до газет не доберусь.

Сегодня играем Дядю Ваню. Приятно. Вчера с Влад. Ив. и Машей соображали насчет Вишневого сада.—Лужский острит, что судьба нашего театра след.: Морозов выгоняет нас всех и театр отдает Марии Федоровне с Горьким и Тихомировым. Тебе это нравится? [...].

Целую тебя, моего дорогого, целую и обнимаю. Что ты делаешь теперь? Что читаешь? Дусик мой.

Твоя Оля.

12. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

Телеграмма {18 октября 1903 г.
Москва}.

Дивная пьеса читала упоением слезами целую благодарю.

13. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

19 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Какой вчера был тревожительный день, дорогой мой, любимый мой! Я не могла писать тебе, голова разламывалась. Уже третьего дня я поджидала пьесу и волновалась что не получила. Наконец вчера утром, еще в постели мне ее принесли. С каким трепетом я ее брала и развертывала—ты себе представить не можешь. Перекрестилась трижды. Так и не встала с постели пока не проглотила ее всю. Я с жадностью глотала ее. В 4-м акте зарыдала. 4-ый акт удивительный. Мне вся пьеса ужасно нравится. Пошло я выражаюсь. Для твоих произведений нужен язык красивый изящный.

Я конечно не судья твоим пьесам. Я прочла и мне все, все решительно нра-

вится, точно я побывала в семье Раневской, всех видела, со всеми пострадала, пожила. Ничего нет похожего на прежние твои пьесы; и никакой тягучести нигде¹. Легко и изящно все. Очень драматичен 4-ый акт. Вся драма какая-то, для тебя, непривычно крепкая, сильная, ясная.

Я прочла и побежала в театр. Там к счастью отменили репетицию. Влад. Ив. так и вцепился в пьесу. Пришел Качалов, Лужский, Москвин и всем давали только «поддержаться» за пьесу. Если бы ты мог видеть лица всех, наклонявшихся над Вишневым садом. Конечно пристали все тут же читать. Заперли дверь на ключ, ключ вынули и приступили. Слушали: Лужский, Качалов, Москвин, Адашев, Вишневский, я, Влад. Ив. читал. Только что кончили, как приехал Конст. Серг. и уже не здороваясь со мной, тянет руку за пьесой, которую я держала. Затем прибыл Морозов, которому пьеса была дана на вечер. Слушали все с благоговением, с лицами особенными, чтение прерывалось смехом или одобрительными знаками. Сегодня утром читал ее Конст. Серг., а завтра будут читать труппе.

Получил ли телеграмму от Немировича? По моему он хорошо написал². Только 2-ой акт не тягуч, это неправда, да и он не то хотел сказать, увидишь из его письма. Что 1-ый акт удивительно грациозен и легок—верно. А вообще ты такой писатель, что сразу никогда всего не охватишь, так все глубоко и сильно. Надо сжиться и тогда уже говорить. Ах, как хорошо все! Как чудесно написан Гаев, Лопахин, Трофимов, в смысле актерской работы, может быть не очень привлекателен, может сбиться на шаблон. Любовь Алексеевна вышла «легкая» удивительно, но трудна адски. Чудесная роль. Шарлота и Варя очень интересны и новы. Пищик—великолепен, и у актеров имел успех. Только Вишневский не может играть Гаева, это ты как хочешь. И Влад. Ив. сразу это сказал. Гаев—Станисл., или уж Лужский. Обо всем тебе подробно будут писать. А как бы ты сейчас был нужен!

Конечно уже в Новостях появилось что-то не совсем суразное и перевранное³. И нетактичная в высшей степени заметка что я играю центральную роль. А ведь вчера при мне Эфрос дал слово

совсем коротко написать заметку о пьесе, сам же говорил что нельзя ничего писать о Чеховской пьесе, пока сам не прочел ее. Изменник противный. Только ты, дорогой мой не волнуйся, умоляю тебя. Напортить он ничего не может своим враньем. Ты всегда останешься ты, красивый, особенный и не трать нервы на вылазки газетчиков. Это чепуха.

Почему тебя не кормили по Машинному расписанию? Это свинство. Уж эти мне богомольные кухарки! Теперь исправилось? Милый, голубчик мой, когда я увижу тебя? [...].

Вечером была бабушка и знаешь — я ей читала вслух по немецки Werther's Leiden Гете и представь — наслаждалась. Какой дивный язык, простота и красота. Переселилась в 1770 год. И чувства какие простые, нежные, красивые. Удивительно хорошо. Бабушка была счастлива. Сейчас у нас Бунин, я ему говорила о Вишневом саде.

Целую мое золото, мою любовь крепко и безумно хочу видеть тебя.

Твоя Оля.

Мне хочется так много написать, и кажется что я ничего не написала тебе. Дорогой мой!

14. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

19 окт[ября] 1903 г. Ялта.

Милзя моя лошадка, дусик, здравствуй! Вчера я не писал тебе, потому что все время замиранием ждал телеграммы. Вчера поздно вечером пришла твоя телеграмма, сегодня утром от Влад. Ив. — в 180 слов. Большое спасибо. Я все трусил, боялся. Меня главным образом пугала малоподвижность второго акта и недоделанность некоторая студента Трофимова. Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как ты изобразишь сии штуки?

Дуся, скажи, чтобы мне высылали репертуар, а то я не получаю. Если будет okazия, то фуражки не присылай; пришли пачку ценной бумаги, зубного порошку, пачку почтовой бумаги (подешевле) и еще чтонибудь замечательное. Живу хорошо, на кухне исправно, хотя

вчера вечером опять подавали севрюгу и жареную говядину — чего в списке у Маши нет. Скажи Маше, кстати, что желудок мой с каждым днем становится все лучше и мать чувствует себя хорошо. Погода отменная, лучше даже, чем была.

Пойдет ли моя пьеса? Если пойдет, то когда?

Получил от Конст. Серг. очень хорошее письмо, сердечное и искреннее¹. Пойдут ли в этом сезоне «Столпы общества»? Я ведь их еще не видел.

Я приеду в первых числах ноября. Пьесу буду печатать по всей вероятности в сборнике Горького, только вот не знаю, как мне обойти немца Маркса².

В одесских газетах передают содержание моей пьесы. Ничего похожего.

Дуся моя, лошадка, тысячу рублей за баню! Тоскую по бане, на теле растут уже грибы и папоротники.

Подыскивай пока портного очень хорошего, который взялся бы шить мне шубу, подыскивай легкий мех. Напиши мне подробнее на отдельном листке, какие я должен взять с собой вещи в Москву. Напиши также, кто будет играть Шарлотту. Неужели Раевская? Ведь тогда будет не Шарлотта, а смешная, претенциозная Евдоксия.

В Новом Времени (среда) прочитал сейчас статью актера Россова об Юлии Цезаре. Очень хвалит Качалова и Вишневского, и это странно, так как в прошлом году Россов писал о Художеств. театре с ненавистью и величественным отращиванием.

У меня Михайловский и Костя. Пришли.

Твой А.

15. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

20 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Как я хочу видеть тебя, дорогой мой, как я хочу сказать тебе много, много. Еслибы ты был здесь, сейчас вот!

Сегодня читают Вишневый сад в театре. Я решила не идти, а между тем хочется. Не знаю еще пойду ли. Конст. Серг. можно сказать обезумел от пьесы. Первый акт, говорит, читал как комедию, второй сильно захватил, в 3-м я потел, а в 4-м ревел сплошь. Он говорит, что

никогда ты не писал ничего такого сильного. Приподнятое настроение у всех. За обедом у Алексеева вчера, конечно, пили твое здоровье. Меня сейчас все прерывают. Была Анна Ивановна Чехова просила билетов на завтра для приезжих учительниц, но конечно я ничего не могу сделать на завтра — все продано. Заходил мой старый знакомый Ознобишин, но я велела сказать что меня дома нет — не люблю по утрам народ. Он оставил записку: Корсов желает видеть меня чтобы переговорить: он хочет переводить Вишневы сад на франц. язык для парижской сцены. Ответь мне немедленно. Разрешить ты должен, по моему.

Вчера была прелестная сухая погода и я ходила пешком в театр и потом к маме. Вернувшись, нашла у нас Найденова и Женичку Юрковскую. Потом был Толя Средин; он видел «На дне», потом «Три сестры» и говорит что последние совершенно затмили Дно — настолько сильное впечатление. Потом мы с Машей пошли к Алексеевым. Обедали там: Стахович, Немирович и Вишневы, две маманы. Дом у Алексеевых славный, под старинку, особенно хорошо наверху — две огромные комнаты — ее и его, с старинными полукруглыми широкими окнами. Из-за обеда я выскочила, поехала играть «На дне», а потом опять приехала обратно пить чай. Приехали Лужские, Москвин, Адашев, Бурджалов. Попели немного, поцыганили, Лужский опять великолепно копировал Морозова и смешил адски. Очень славно посидели, не играя в гости; приятно. Получил телеграмму? Как все жаждут видеть тебя! Милый, милый мой. На меня как-то все хорошо смотрят а мне приятно. Ненаглядный ты мой! [...]. Целую обнимаю

Твоя Оля.

16. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

21 окт[ября] 1903 г. Ялта].

Милая моя лошадка, писал ли я тебе про свою неудачу: брокеровский порошок не мылится, т. е. не дает пены. Делаем, как написано на обертке; в первый раз думали, что воды много, а во второй уж и не знали, что подумать. Научи, что делать.

Морозов хороший человек, но не следует подпускать его близко к существу

дела. Об игре, о пьесах, об актерах он может судить как публика, а не как хозяин или режиссер.

Сегодня получил от Алексеева телеграмму, в которой он называет мою пьесу гениальной¹; это значит перехвалить пьесу и отнять у нее добрую половину успеха, какой она, при счастливых условиях, могла бы иметь. Немирович не присылал мне еще списка артистов, участвующих в пьесе, но я все же боюсь. Он уже телеграфировал, что Аня похожа на Ирину, очевидно, хочет роль Ани отдать Марии Федоровне. А Аня так же похожа на Ирину, как я на Бурджалова. Аня прежде всего ребенок, веселый до конца, не знающий жизни и ни разу не плачущий, кроме II акта, где у нее только слезы на глазах. А ведь М. Ф. всю роль проноет, к тому же она стара. Кто играет Шарлотту?

Я чувствую себя недурно, хотя кашель не прекращается; я кашляю больше, чем в прошлом году об эту пору.

Приеду в первых числах ноября; мать придет в середине или в конце ноября, она очень скучает здесь.

Александр Плещеев будет издавать в Петербурге театральный журнал вроде «Театр и Искусство». Этот забьет Кугеля. В январе я пошлю ему водевиль, пусть напечатает. Мне давно уже хочется написать водевиль поглубже.

Когда начнутся репетиции моей пьесы? Напиши, дусик, не томи меня. Твоя телеграмма была очень коротка, теперь хоть постарайся писать поподробнее. Ведь я здесь как в ссылке.

Жизнь у Якунчиковой вспоминается почему то каждый день. Такой безобразно праздной, нелепой, безвкусной жизни, какая там в белом доме, трудно еще встретить. Живут люди исключительно только для удовольствия — видеть у себя генерала Гадона, или пройтись с товарищем министра кн. Оболенским. И как не понимает этого Н, вззирающий на этих людей снизу вверх как на богов. Там только два хороших человека, достойных уважения: Наталья Яковлевна и Максим². Остальные... впрочем оставим сие.

А Наталья Яковл. забыла про свои обещания сделать для меня городок³.

В Москву собирается М-те Бонье, уже заказала себе белое платье специально для Худож. театра.

Когда же наконец придет твое письмо? Мне хочется прочесть о моей пьесе, терпение, которое ты поняла бы, если бы жила, как я, в этой теплой Сибири. Впрочем к Ялте я начинаю уже привыкать; пожалуй, научусь здесь работать.

Ну, лошадка моя, венгерец мой хороший, обнимаю тебя и целую крепко. Не забывай, ведь я твой муж, имею право бить тебя, колотить.

Твой А.

17. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

21 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Доброе утро, дорогой мой! Как мне пусто без тебя. Как я хочу тебя видеть! Ведь это была бы сверх-идеальная жизнь, если бы мы могли жить вместе круглый год! Ты бы писал, а я бы играла. Такое счастье немыслимо на земле. Правда?

А Шнап под моим креслом сопит и грызет куриную лапку, и счастлив.

А ты, дусик, сначала хотел сделать Раневскую уgomонившейся, правда? Помнишь — ты мне показывал ее слова во 2-м акте? А как ее трудно играть! Сколько надо легкости, изящества и уменья. Вчера читали пьесу. Слушали, ловили каждое словечко и по окончании аплодировали. Я сейчас же после чтения уехала с Раевской к Лужским обедать, но там переполох вышел и мы уехали: у старика Лужского припадки грудной жабы и настолько сильные, что боялись смерти.

Пьеса всем нравится. Роли, говорят, все удивительные. Только как разойдется — не знаю. Влад. Ив. волновался когда читал. Сказал перед чтением, что читать он не умеет, а только доложит пьесу. Дусик, это дивная пьеса, повторяю. Сколько глубины, изящества, поэзии. И эта удивительная, твоя собственная манера писать. Какой ты большой писатель, Антон! Таких нет. Ты — сама красота. Когда я тебя увижу?!

[...]

Вечер вчера я сидела дома, мылась в ванне и с сегодняшнего дня начала обливания каждое утро. Вчера повторяла Лону из Столпов Общества — сегодня репетиция. Читала «Портрет» Гоголя. 2-го Ноября буду чигать днем в Истор. музей, для учащих. Алферов будет читать о

Брюллове, Иванове, а я Гоголя (их современник) отрывочек с юмором и отрывочек высокой материи из жизни художника. А теперь мне надо надумывать и творить Раневскую. Как страшно и хорошо!

Сейчас получила твое письмо от 17-го Окт. Ты пишешь что надо доделать или переделать что-то в пьесе. Это если тебе кажется, а по моему мнению и мнению многих, пьеса удивительно отделана, удивительно чиста и томления никакого. Приедешь — увидим.

Кормят по расписанию — отлично.

Я дусик, от пьесы, воспрянула духом а никак не думаю падать. И ты должен воспрянуть. Увидишь, как это будет хорошо.

Обнимаю тебя долго, целую [...] Милый мой, кушай хорошенько, питайся чтобы растолстеть и меня насмешить.

Твоя лошадка.

18. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

22 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Дорогой мой, нежный мой, здравствуй! Колокола звонят, небо голубое, солнце, слегка морозит. Окно открыто. Шнап сопит на кресле, желтые хризантемы цветут в лиловом горшке — вот тебе, кушай на здоровье.

Прислать ли тебе фуражку и порошок? Отчего не отвечаешь?

Дусик, вчера я говорила с Горьким, т. е. он искал меня чтобы говорить. Прислать пьесу в сборник, говорит что сделает его благотворительным и значит по договору можешь отдать. Ведь Маркс не дает больше 1500 р. за лист? А тут ты получишь больше 7000 р., говорит Горький. Как ты думаешь? Максимыч смешной, начал рассказывать о своей пьесе, которую надумывает¹. Будут фигурировать дачники, и всех ему почему-то хочется сделать кривыми, горбатыми, и хромыми т. е. мужчин; я его уверяла, что этого не надо. Достанется, говорит, в моей пьесе, всем мужьям здорово; а женщины будут ходить суровые как смотрители тюрьмы. Воображаю как это будет хорошо. Жалуеться что устал, хочется говорить сесте на крышу, за трубу и посидеть спокойно.

Дусик, а страсти разгораются в труппе из за ролей в Вишневом саду. Я смеюсь — такой миролюбивый, тихий человек как ты и возбуждаешь такие острые страсти. Даже Лилина смеялась, говорит мне, что и у нее нутро кипит. Хочется играть Аню ей, а пожалуй не дадут. А по моему она даст аромат, молодость, если не фигурой, то взглядом, улыбкой, мягкостью. Шарлота у тебя самая удивительная и самая трудная роль. «Создать» ее может по моему только Лилина, но она хрупка для нее, мне кажется. В труппе поговаривают так, что Гаева должен играть Конст. Серг., купца — Леонидов, Фирса — Москвин, Пищика — Вишневский или Грибунин. Повторяю — это только болтают в труппе. Насчет женских все сбиваются, только не относительно меня. Качалов и я установлены. Посмотрим что скажет дирекция. — Повторяем Столпы общества. — Вчера вечером были у меня мать, Володя с Олей, тетка, д. Саша, Самарова, Эберле; я с мамой попела немного.

Д. Саша в новом мундире, чистенький, идет на Цезаря; написал тебе письмо. Утром был Маклаков.

Родной мой, пиши мне подробнее, что ты делаешь целый день. О чем думаешь? Милый, милый мой! Я уже мечтаю о той минуте, когда я тебя обниму, когда увижу на вокзале твое лицо.

Целую тебя; а лошадка то твоя пожирала за лето, право. [...]. Вот видишь. [...].

Твоя Оля.

19. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

23 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Ты, лошадка, пишешь, что Эфрос ничего не может испортить своим враньем, однако же его перепечатывают все газеты, буквально все провинциальные, а сегодня я видел и в московском «Курьере». Что это за вредное животное!

Ты пишешь, что Гаева не может играть Вишневский. А кто же? Станиславский? Тогда кто же Лопахина? Лужскому нельзя давать ни под каким видом [...]. Ему Епихонова играть. Нет, уж вы не обижайте Вишневого.

Становится холоднее, попахивает зимой. Вчера была у нас высокая Ольга Михайловна, говорила о любви, обещала приехать сельдей.

Нового решительно ничего. Утром встаю, провожу день кое как, а вечером ложусь и быстро засыпаю, вот и все. Почти никто у меня не бывает.

Немирович пишет, что у меня в пьесе много слез и есть грубости. Напиши мне, дусик, что находишь ты не так и что говорят, я исправлю; ведь не поздно, можно еще целый акт переделать.

Так Пищик понравился актерам? Очень рад. Мне кажется, Грибунин сыграет его великолепно.

Дусик мой, кланяюсь тебе низко, целую и обнимаю. Будь весела и довольна. На кухне пока все благополучно, т. е. готовить по записке, которую оставила Маша. Жду не дожусь, когда приеду в Москву, так хочется солонины и телячьей котлеты. Особенно солонины. [...].

Твой А.

20. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

23 окт[ября] 1903 г. Москва] утро

Я тебе пишу каждый день — ты ценишь, дорогой мой? Пропустила только два дня: раз, когда была в адской мерлехлюндии, второй — в день полочки пьесы, 18-го Окт. когда у меня голова была не на месте. Верно?

Вчера Дядя Ваня дал полный сбор. Каково? Мне очень игралось. Вишневский во втором акте так об меня руку распорол, т. е. о булавку какую-то, что потом играл с забинтованной рукой и уверяет, что в первых рядах зашевелились и зашептали, когда увидели кровь, после моего ухода в нашей сцене. Затем револьвер не выстрелил в конце 3-его акта. Это ничего. Вышло складно.

Сборы на Цезаре переполненные. Теперь за запись билетов, кот. берут на себя артисты, записывающие должны платить 10 к. с рубля и этот сбор идет в пользу школы.

Все толкуют о распределении «вишневых» ролей. Как-то будет! Влад. Ив. говорит, что Гаева, все таки должен играть Вишневский. По правде сказать я Станиславского вижу скорее в Гаеве чем в купце. Впрочем, может, ошибаюсь. Насчет женских ничего не пошимаю. Неужели Аню дадут Андреевой?

Вчера не было письма от тебя. Как твои кишочки? Как самочувствие? Как кушаешь? Все, все пиши. Мне нужна каждая мелочь в твоей жизни.

Вчера был Федотов, просит читать на вечере в память Тургенева. Я согласилась. Качалов тоже будет.

Цветут ли хризантемы? Ты ничего не пишешь? Что в саду делается? Кончили ли ограду? Какова погода? Зелено ли еще все? Сидишь ли ты на балконе? Ходишь ли в мой уголок с гамаком? Ответь на все. Умоляю. А ты помолодел лет на 8? А я постарела.

Сегодня обедают у нас Бунин и Найденов. Вечером мне хочется пойти в квартирное и под хорошую музыку подумать о Раневской.

Мама моя получила золотую медаль на Анненской ленте. Читал? И не ожидала она этого. Смеется.

Уже вошло в привычку среди артистов говорить словами Пищика «вы подумайте». Это великолепно. Епиходова тоже ежeminутно цитируют. Все родное ведь.—Как Костя поживает? Выругай его за то, что он мне ни слова не пишет. Или у него романчик с М-ме Бонье? Получил-ли он мое письмо?

Обнимаю тебя, мое золото, моя нежность, моя поэзия.

Целую крепко.

Твой Венгерц.

21. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

24 окт[ября] 1903 г. Ялта.

Дусик мой, лошадка, для чего переводить мою пьесу на французский язык? Ведь это дико, французы ничего не поймут из Ермолая, из продажи имения и только будут скучать. Не нужно, дуся, не к чему. Переводчик имеет право переводить без разрешения автора, конвенции у нас нет, пусть К. переводит, только чтобы я не был в этом повинен.

От Немировича до сих пор нет письма. У меня сегодня опять расстройство желудка, утром бегал три раза, но все же пренебрег и ездил в город, где покупал ветчину и проч. Погода скверная, холодная.

Если, как ты писала, Вишневский не будет играть Гаева, то что же в моей пьесе он будет играть?

Очень хвалили пьесу Чирикова «Евреи», но пьеса оказалась весьма посредственной, даже плохой. Горький страшно раздул ее, даже затеял перевод ее на иностранные языки.

Сейчас прочел в газетах, что Анна Ивановна, твоя мама, получила медаль. Поздравляю ее, не забудь передать ей, что если бы от меня зависело, то я пожаловал бы ей бриллиантовую медаль.

Если пьеса моя пойдет, то я буду иметь право, так сказать, сшить себе шубу получше. Имей это в виду, приглядывайся к мехам и к портным, чтобы задержки не было. Шуба нужна главным образом теплая и легкая. Буду ходить по Москве в новой шубе под ручку с женой. Только бы вот расстройство желудка не было.

Я тебя люблю, лошадка, и поэтому буду колотить.

Дуся родная, когда же ты будешь меня слушаться? Я просил тебя тысячу раз получше заклеивать конверты, твои письма приходят ко мне почти распечатанные.

Пиши мне каждый день поподробнее, не скрывай от меня ничего.

Обнимаю, поглаживаю свою милую жену. Не скучай, будь здорова и весела

твой А.

22. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

24 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Голубчик мой, вчера я наконец была у Телешовых на «Среде»¹, перенесенной на Четверг. Обедали у нас Бунин, Найденов, пришла Инночка. После обеда Бунин читал свой перевод — Манфреда а я подчитывала остальные роли, а Шнап храпел на всю комнату, т. ч. я его ударила, а он проснулся, ничего не понял и укоризненно посмотрел на меня. Потом играла в 4 руки с Инночкой. К 10 ч. поехали. Бунин повез меня за целые 75 к. на резинах. А Машу вез Найденов. Приехали. Ввели в кабинет, а там много, много мужчин: Андреев, Вересаев, Тимковский, Голоушев, Хитрово, Белоусов, Грузинский, Кизеветтер, Кожевников, Ю. Бунин; меня посадили на диван между художницей Шанкс и женой Андреева. Ну-с а затем Телешов начал читать свой новый рассказ. Странно, право? Дальнейшее было еще более нелепо. По окончании воцарилось гробовое молчание: лица у всех напряженные, серьезные, как в ареопаге. Начались суждения по поводу рассказа. Я крепилась чтобы слушать серьезно. С умными важными физиономиями делались замечания вроде: почему эти слова вложены в уста мещанина а не учи-

теля. Неясно в какое время года плывет пароход по Иртышу. Здесь кончается художник, начинается мораль. Для меня вся эта процедура была непонятна. Какая то вивисекция. Все как-то не похоже на художников, и атмосфера странная. Я начинала подреминать под рассказы Шанкс. Наконец Маша извлекла меня из кабинета. Вскоре сели ужинать. Я сидела между Вересаевым и Буниным. Ожила. Вересаев славный, мягкий такой, и я с ним болтала. Ты на него произвел сильное впечатление весной и он много говорил о тебе с любовью, просил тебе низко, низко, сердечно кланяться. Он теперь живет в Москве. Ему кажется очень диким, что Телешев читал свой рассказ и мы с ним говорили на эту тему. Я ему обещала дать знать, когда ты будешь в Москве, чтобы он мог придти. Грузинский тоже все говорил о тебе. Беспокоится что не получают от тебя ответа в Общество любит. Р. Словесности. Просил чтобы я уговорила тебя не отказываться от того поста на кот. тебя избрали. Отчего ты мне об этом ничего не пишешь? Хотя — я ведь знаю тебя и понимаю.

Шарлоту — еще неизвестно кто будет играть, только не Раевская, успокойся. «Столпы» идут уже 26-го. За «Вишневый сад» будем теперь приниматься и когда изготавим — будем играть. Пьесу можешь дать Горькому, раз сборник будет с благотворит. целью. Репертуар уверяют что посылают каждую Субботу — даже огорчились наши дамы конторские, которых я упрекнула. Очень просят Бунин, Л. Андреев, Найденов придти к нам и послушать Вишневый сад. Можно?

Шубку тебе самое лучшее сделать в мехов. магазине. [...] Вишневский протекцию окажет. Списочек вещей пришлю.

Неужели я тебя скоро увижу? Неужели?! Дорогой мой! Тебе будет хорошо здесь. Целую и обнимаю тебя, моего молодевшего мужа. Сиди больше на воздухе, кушай с аппетитом.

Твоя Оля.

23. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

25 окт[ября 1903 г. Ялта].

Лошадка моя милая, сегодня в Крымском Курьере и в Одесских Новостях перепечатка из Новостей дня; будет перепечатано во всех газетах. И если бы я

знал, что выходка Эфроса подействует на меня так нехорошо, то ни за что бы не дал своей пьесы в Художеств. театр. У меня такое чувство, точно меня помоями опоили и облили.

От Немировича до сих пор нет обещанного письма. Да я и не особенно жду; выходки Эфроса испортили мне все настроение, я охладел и испытываю только одно — дурное настроение.

Вчера у меня были Екат. Павл. и Средина. Был Михайловский. Я обругал в письме к тебе пьесу Чирикова, и, как оказывается, поторопился; это Алексин виноват, он очень бранил пьесу в телефон. Вчера вечером я прочитал «Евреи»; особенного ничего нет, но написано не так уж плохо, можно три с плюсом поставить.

Нет, я никогда не хотел сделать Раневскую угомонившеюся. Угомонить такую женщину может только одна смерть. А, быть может, я не понимаю, что ты хочешь сказать. Раневскую играть не трудно, надо только с самого начала верный тон взять; надо придумать улыбку и манеру смеяться, надо уметь одеться. Ну, да все ты съумеешь, была бы охота, была бы здоровья.

Я с Эфросом больше не знаком.

Ем много. Скажи Маше, что брат Арсения (Петунька, как его называют в кухне) вернулся, живет у нас в кухне. Это великолепный садовник; не надо ли комунибудь из знакомых? Скажи З. Г. Морозовой, что этот садовник кончил курс, трезв, молод, порядочен и может насадить великолепный сад (не цветы, а фруктовый сад). Вот не хочет ли она иметь свой роскошный сад, десятин в 20-30? Seriously, скажи ей. Я ручаюсь, ибо я в этом деле весьма и весьма понимаю. Пусть не упускают.

Маркс прислал телеграмму: просит напечатать Вишневый сад.

Облачно. Прохладно.

Средин выделяет много белку. Дело плохо. У меня недавно смотрели, белка не нашли. Каждый год смотрим. За то покашливаю больше и хуже, чем в прошлые годы.

Листья на деревьях еще целы, не падают. Купил себе икры, сельдей, килек, а анчоусов забыл купить. Вот когда Маша будет высылать бабушке сапоги, то соедини анчоусы. Впрочем, не нужно, это у меня с пера сорвалось. — Анчоусы есть у Куба.

Ну, лошадка, целую тебя и обнимаю. Утешай меня своими письмами. Я тебя люблю.

Твой А.

24. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

25 окт[ября] 1903 г. Москва [утро.

Теперь ты уже получил мои письма и наверное сильно неудовлетворен, — правда? Я понимаю. Только знай, что мне все нравится. И что я могла больше телеграфировать? Критиковать не могу и не умею, и главное твою пьесу! Еще не роздали роли, еще не назначены репетиции. Дусик мой, я так понимаю, что ты волнуешься там, один, и что безумно хочется поговорить о Вишневом садике, и жена какая-то недотепа, не умеет описать всей красоты пьесы, не умеет облечь словами все, что чувствует и понимает. Прости ее дорогой мой. Не относись с недоверием к Вишневому саду, тебе нечего тревожиться и беспокоиться, а можно только приятно волноваться.

Наталия Яковлевна городок приготовила тебе, и вероятно сама поднесет тебе, когда приедешь.

Шарлоту, думаю, будет играть Муратова. Поговаривают, что еслибы была актриса на Раневскую, я бы должна играть Шарлоту, т. е. поговаривают актеры, и то только два, от режиссеров ничего не слыхала. [...] Вообще я только оживу, когда начнутся репетиции Вишневого сада, а то тоска. Уже волнуюсь, думаю что ничего не могу и не умею играть, что я никакая актриса. Я думаю, что во мне самой мало содержания и потому я все жду какой-то встряски, чтобы освежиться что-ли, а то живешь как добродетельная немка: один день как другой, все те же люди, те же мелочи, та же мелкая борьба, интересы. Скучно.

Целую тебя и обнимаю нежно мой дорогой. До завтра.

Твой венгерец.

25. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

26. окт[ября] 1903 г. Москва [утро.

Голубчик мой, милый мой, здравствуй! Греешься на солнышке? Appetit есть? Мысли в голове есть? Южная Сибирь приятна стала теперь, ты пишешь? Дусик мой!

У нас то слякоть, то подморозит. Сегодня падал снежок.

Успокоился ли ты относительно Вишневого сада? Вчера в кабинете Влад. Ив. сидела с Алексеевыми и с ними распределяли роли. Думают все, думают и ничего не выдумают. Мария Петр. умоляет только, чтобы Конст. Серг. не играл Лопухина, и я с ней согласна. Ему надо играть Гаева, это ему нетрудно и он отдохнет и воспрянет духом на этой роли. Не находишь ли ты? Хотя я высказываю актерские соображения. Лилиной страшно хочется играть Аню. Если, говорит, буду стара, могут мне сказать и выгнать и я не обижусь. Варю ей не хочется играть, боится повториться. К. С. говорит что она должна играть Шарлоту. Еще варьировали так: Раневская — Мария Федор., я — Шарлота, но вряд ли. Мне хочется изящную роль. Если Андреева — Варю, то по моему она не сделает, а Варя славная роль. Лопухина мог бы играть Грибунин, если бы развернулся посочнее в 3-м акте. Он бы дал русского купца, играл бы мягко. Как ты думаешь? Леонидова ты не знаешь, а он мог бы тоже купца играть — высокий, здоровый, голосистый. Епиходов — Москвин, ему очень хочется. Яшу может Александров или Леонидов. Положительно не знаю как лучше. Тебе все сообщат если решат. Ты не волнуйся. Лилина кипятится. Ее дразнят, что Аню будет играть Андреева. Она говорит если дадут Аню молоденькой — то она молчит, но если Андреевой, то она протестует. Смеялись мы над ней.

Вчера был Тейтель — не застал. Оставил карточку, что сегодня придет с Потемкиным, редактором Курьера? К чему это — не понимаю! Напишу сейчас что не могу принять, т. к. играю вечером. Не тактично сие.

Сегодня играем Столпы. Я рада. Хочется чегонибудь другого. Дорогой мой, до завтра, спешу, сейчас много дела предстоит. Будь веселеньким, добреньким, каков ты всегда.

Целую тебя тысячу раз, мой поэт, моя красота, мое обаяние.

Твоя Оля.

26. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

27 окт[ября] 1903 г. Ялта].

Здравствуй, лошадка! Ты говоришь, что пишешь мне каждый день, между тем вче-

ра я не получил твоего письма. Хризантемы цветут буйно, изобильно, розы тоже цветут, погода сегодня замечательно тихая и приятная.

Вот уже 15 дней, как я послал пьесу, а письма не получил еще ни одного, если не считать твоих писем. Вообще с этой пьесой мне не повезло. Если она не пойдет в этом сезоне, то все таки следовало бы мне написать.—Хоть бы Тихомирова написала, что ли.

И репертуара не получаю. Ну, да бог с вами.

На балконе сижу каждый день часа по два. В твой уголок с гамаком не хожу, там уже осень, нелюдимо. Ограду давно кончили, еще при Маше.

Костя немножко похварывал, говорит — лихорадка, но весел. Ты думаешь, что у него романчик с М-ше Бонье? А это может быть. Она стала такая веселая, счастливая. Письмо твое он получил. Но сам он пишет повидимому с большим трудом, так же, как и читает. Это совсем провинциальный муж. Ах, венгерец милый, как мне скучно! Заграницу поехать, что ли? Как ты думаешь?

Если хочешь, чтобы письма доходили исправно, то сама опускай их в почтовый ящик. Вчерашнее письмо, которое не дошло до меня, кто то носит теперь в кармане.

Целую тебя мою лошадку и хлопаю по спине, глажу шейку. Обнимаю, дусик.

Твой А.

27. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
27 окт[ября] 1903 г. Москва] вечер.

Дусик, дорогой мой, как ты меня тронул хризантемами! Я так вся в улыбку расплылась. Какая прелесть! Они так славно, тоскливо пахнут. Я их сейчас же поставила в воду и они распушились, стали махровенькие, а то их придавили на почте. Спасибо тебе, дорогой мой. Как это ты надумал так хорошо?! Милый, милый. А какая гигантская — белая! Целую тебя. Знаешь, дуся, я сейчас пришла домой и нашла у себя огромный твой портрет, снятый под олеандрами на балконе Тихомировым. Он сам занес его и как мне жаль что я не видела его чтобы поблагодарить! Портрет очень хорош и в очень мягком тоне. Я рада. Тебе понравится.

Я сейчас была у Морозовых, обедала у них и конечно все говорили о театре и о Вишневом саде. Зинаида в восторге от названия, пьесы не читала, но ждет много прелести и поэзии и велела тебе передать это. С Саввой все решали кто кого должен играть. Детки все такие же славные. Гнетёт дворцовая обстановка. Савва после обеда уехал, а я сидела и болтала; болтали и обдумывали платя для Раневской.

Сегодня был Тейтель, болтал и смешил. Чудный он. С Инночкой у него оказалось масса общих знакомых. А все же он кажется скоро мог бы надоесть. Получила от Кости письмо. Пишет что влюблен в тебя бесповоротно, и что хочется только смотреть и слушать тебя, хотел бы быть больше с тобой, но очень работы много и боится надоесть тебе. А ты его немножко любишь? Письмо его не веселое, озабоченное.

Вчера играли очень хорошо Столпы. Театр полный и принимали великолепно. Я рада была играть большую роль. Люблю. Тебе смешно? Вчера давала Ивану читать Вишневый сад. Рукопись у меня и я ее почитываю.

Покойной ночи, дорогой, а я опять начну писать по ночам. Интимнее как-то. У тебя еще нет романа с Ольгой Мих.?

Целую и обнимаю и ласкаюсь.

Твоя лошадка.

28. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер
28 окт[ября] 1903 г. Ялта].

Лошадка моя, насчет фуражки и порошка я уже писал тебе, ты забыла. Я писал, что фуражки и порошка не нужно, а что бумага [W.] нужна. Сегодня пришла твоя фотография и я заплатил штрафу 28 коп., так как было только 2 марки, а не 4. Фотографии надо посылать заказною бандеролью.

Пищика должен играть Грибунин. Боже сохрани отдать эту роль Вишневскому: Фирса — Артем, Яшу — Москвин, или Громов, который вышел бы оригинальнейшим Яшей. Но лучше конечно Москвин. А если Мария Петровна согласилась бы играть Шарлотту, то чего же лучше! Я думал об этом, да не смел говорить. Что она хрупка, мала ростом — это не беда. Для Ани она стара. Но главное — чтобы Вишневский не играл Пищика, боже сохрани.

Леонидова я не знаю. Купца должен играть только Конст. Серг. Ведь это не купец в пошлом смысле этого слова, надо сие понимать.

Из вашего театра писем нет и нет. Репертуара не получаю и не получал, врать я не стану.

А Найденов со своим «№ 13» провалился? Вот он должен меня слушаться: писать пьесу не чаще чем раз в пять лет. Ведь «Дети Ванюшина» долго еще будут кормить его, значит, можно не торопиться. Эфрос продолжает напоминать о себе. Какую провинциальную газету ни разверну, везде — гостинница, везде Чаев.

Посидела у Телешева? Послушала? Вот и сердись на меня за то, что я не читаю твоих рассказов и пьес. Но если ужин хороший был, то все можно простить. Давно уже я хорошо не ужинал, кстати сказать.

Я уже писал Горькому, пьеса будет напечатана в его сборнике. Он предлагает мне 1500 р. за лист. Откуда же выйдет 7000? Ведь в пьесе всего 2 листа.

Бунину и Бабунину (т. е. Найденову) передай привет. Вересаеву тоже поклонись, если увидишь; скажи ему, что он мне очень нравится.

Если заказывать шубу, то пожалуйста без Вишневого. Этот так важно держится в магазинах, что дерут всегда в три дорога... И кстати сказать Вишевский не прислал мне за все время ни одного письма, знать я его не хочу.

Мать очень обрадовалась твоей карточке, только слово «кривоглазая» ее немножко шокировало.

Ветер. Прохладно. У нас в доме затоплены почти все печи.

Видишь, какие длинные письма пишу я тебе! Что ты на это скажешь? Ах, лошадка, лошадка, ведь я еще ни разу тебя не бил кнутиком, а только и знаю, что ласкаю. Обнимаю тебя, целую и еще раз обнимаю.

Твой А.

Твое письмо с фотографией опоздало дня на три, очевидно кто нибудь протаскал в кармане.

29. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
28 окт[ября] 1903 г. Москва] вечер,
2-ой час ночи.

Сейчас пришла со «Дна» домой и застала у нас Потапенко и Гольцева, за-

кусывающих, а Гольцева пьющего красное вино. Беседовали, слушали воспоминания Маши и Потапенко, говорили о Горьком. Завтра пойдем на генеральную репетицию пьесы Потапенко.

В театре у нас идет нескладеха. [...].

Влад. Ив. написал Конст. Сергеевичу письмо, где все изложил, читал его Лужскому, Вишневному и мне. Он в ужасном состоянии, и я его понимаю. Не хорошо все это очень. Надо чтобы между К. С. и Вл. Ив. было все чисто, и полное доверие, иначе нельзя работать.

Дай бог, чтобы все это смягчилось поскорее. Но если уйдет Немирович, я не останусь в театре... [...].

Не волнуйся, если случится что Вишневному нечего будет делать в твоей пьесе. Он так вымотан весь, что сам мягко к этому относится. Да вряд ли это случится. — Завтра Потапенко смотрит Юлия Цезаря. Я на выходе завтра в Цезаре. Сегодня были у нас: М. Ф. Желябужская, Званцева, Инночка, Эля с Джеком-таксиком, кот. отчаянно играл с Шнапом.

Дусик ненаглядный, целую тебя нежно. Ты меня любишь? Я рада.

Твоя лошадка.

Хризантемы чудесны. Целую за них еще раз.

30. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
Телеграмма [29 октября 1903 г. Москва].

Умоляю не волноваться Эфросом все благополучно целую за хризантемы Вишневым сад праздник театра

Венгерей.

31. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
29 окт[ября] 1903 г. Москва] вечер.

Ты все волнуешься из-за Эфроса, дорогой мой? Брось, уверяю тебя — не стоит. Он ничем не может повредить ни пьесе, ни тебе. Ты слишком много придаешь всему этому значения. Хотя я совсем понимаю тебя, но все же не преувеличивай. Больше не думаешь обо всем этом, а?

Сегодня была с Машей в Малом театре на генеральной репетиции «Высшей школы» — Потапенко. Ничего не поняла из пьесы. Есть чиновник богатый, у него

дочь курсистка — резонерка, скучное, чистое создание, художник полюбивший ее, с беспутным прошлым, богатая девица, ищущая сильных ощущений и заводящая роман с цирковым наездником, и много подобного. Играют все хорошо, но повторяю не могла бы рассказать в чем дело. Смотрится легко, драма не захватывает, уйдешь из театра и все забудешь. Вот-с как надо писать, учиться. Курсистку играла новая звездочка — Косарева, только что кончившая школу. Приятная, но тебе бы не понравилась. Потапенко доволен всеми, за исключением Рыбакова, на место которого прочил Ленского. Видела Ермолову в ложе, была у нее. Она меня целовала, говорит что все рвется в наш театр — в таком она восторге от Цезаря. Видела Южина, Кондратьева, всех олимпийцев, видела Нечаеву, болтала с молодежью Мал. театра. Но как там все скучно — все какие-то похожие друг на друга, все сытые, уверенные в себе.

После репетиции была у нас жена Чирикова, кот. теперь в Филарм. школе, говорит что очень скучает по семье, по детям и что трудно бывать в семейных домах — все ей плакать хочется. Надеется что муж переедет в Москву, если решат окончательно издавать журнал какой-то. Ты слышал о таком журнале? Я ей выразила удивление свое, что она может так жить одна, раз есть пять человек детей, и по моему она преспокойно удерет обратно..

Сейчас была на выходе в Цезаре. Плакала и ломала руки на Форуме с Муратовой и Литовцевой в свите Бутовой. В 1-м акте шла тоже в свите. Всем было смешно. У меня адски болит голова оттого что днем сидела в театре. — У Лужского умер сейчас отец, во время спектакля.

Влад. Ив. получил от К. С. страшно трогательное письмо; сейчас говорил Влад. Ив. и рассказывает что написал ему и огорчил его. А по моему это хорошо, по крайней мере они выскажутся и опять будут вместе работать.

Ты пьесу отдашь Горькому в Сборник?

Ах, дусик, как у меня болит голова! Если бы ты погладил мне голову мне было бы лучше. Мы скоро будем вместе? Целую тебя, целую твои глаза, твою улыбку.

Твоя Оля.

32. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

30 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Вот видишь, на какой бумаге я пишу тебе, лошадка! Насчет выбора меня в Общество любителей словесности я ничего не понимаю. Если выбрали в председатели, то почему во временные? Если во временные, то насколько времени? А главное, я не знаю, кого я должен благодарить, кому написать. Получил на днях извещение, написанное плохим почерком, за подписью какого-то Каллаша, написанное на бланке, очевидно не официально, а как зовут этого Каллаша и где он живет — неизвестно, и я до сих пор еще не написал благодарности за выборы.

Станиславский будет очень хороший и оригинальный Гаев, но кто же тогда будет играть Лопахина? Ведь роль Лопахина центральная. Если она не удастся, то значит и пьеса вся провалится, Лопахина надо играть не крикуну, не надо, чтобы это непременно был купец. Это мягкий человек. Грибунин не годится, он должен играть Пищика. Храни вас создатель, не давайте Пищика Вишневскому. Если он не будет играть Гаева, то роли другой ему нет у меня в пьесе. Так и скажи. Или вот что: не хочет ли он попробовать Лопахина? Буду писать Конст. Сергеевичу, от него я вчера письмо получил.

Сегодня в «Гражданине» бранят Художеств. театр за Юлия Цезаря.

Вчера было расстройство желудка, без причины, сегодня ничего.

Если Москвин хочет играть Епиходова, то очень рад. А Лужскому что тогда?

Подумаю немножко и пожалуй приеду в Москву; а то как бы Немирович не роздал роли из политических соображений Андреевой, О. Алексеевой и проч.

Мне скучно, работать не могу. Погода пасмурная, холодно, в комнатах чувство печей...

Оказывается, напрасно я спешил с пьесой. Мог бы еще месяц повозиться с ней.

Что за мучение обрезать когти на правой руке. Без жены мне вообще плохо.

К халатику твоему привыкаю. А вот к Ялте не могу привыкнуть. В хорошую погоду казалось, что все хорошо, а теперь вижу — не дома! Точно я живу

теперь в Бирске, том самом, который мы с тобой видели, когда плыли по Белой.

Хризантемы получила? В каком виде? Если в хорошем, то еще пришло.

Целую таракашку. Будь веселенькой.

Твой А.

33. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

30 окт[ября] 1903 г. Москва
12 н. ночи.

Какой ты дусик добрый — пишешь мне каждый день почти. Тебе не трудно писать мне — нет? Нежный мой! Мне так хочется посмотреть на тебя, послушать тебя, поласкать тебя! Как это жестоко, что ты там один!

Господи, господи, как надо делать, как надо поступать, чтобы было правильно?! Почему все в жизни так неполно, так неустроено!

Хризантемы распушились еще больше и выглядят, как будто их сорвали только вчера.

Сейчас с аппетитом сыграла Лону. Хорошо шел спектакль. Бедному Лужскому, нелегко было играть, когда дома панихиды. Но он держался молодцом.

Вишневецкий не дожидается, когда ты будешь смотреть Столпы и как ты будешь улыбаться. Помялова вчера, в костюме уличной цветочницы в Риме, вся в живописном рванье, острит, что в Вишневом саду будет играть роль чучела кот. необходимо в таком саду. Муратова согласна играть мать Яши, кот. приходит к нему и о кот. говорят. Чудачки! Видишь как роли расхватывают!

Как страсти кипят.

Выпал снег. Слякотно. С собой привези то, что написала на листке.

Получила из «Знания» новую пьесу Гауптмана: «Роза Берндт». Похваляют. Я еще раньше пробежала два акта, которые прислали из Берлина Владимиру Ивановичу. Почитаю всю ее теперь. Получила телеграмму от Соловьевой с просьбой найти ей воспитательницу к дочери. Страшно порекомендовать какуюнибудь знакомую к этой женщине. Правда?

Дусик, если нетрудно попроси Костю или М-не Бонье (Костя верно уже уехал) сходить в магазин рядом с Джалитой против Александр. сквера, где продают всякие материи и чтобы прислали к тебе

на дом несколько бухарских одеял на выбор и привези мне одно. Мне давно хочется такое, а когда ты приедешь то у меня никакого не будет. Будь добреньким. Там должно быть такое бледно желтое с зеленым отливом, светлое, нежное и стоит кажется около 10 р. Здесь мне его положить на ватку и будет славенько. Ты не сердись, это не очень затруднит тебя? Только не красное и не клетчатое. Вот тебе и задача, выполни, а я тебе заслужу. Требуй чего хочешь. Я перед отъездом смотрела эти одеяла и продавец знает нас с Машей.

Когда ты думаешь приехать? Погоди пока слякоть кончится у нас. А как славно, нежно пахнут темно красные хризантемы! Про садовника скажу Морозовой. Она завтра будет у нас.

Умоляю беречь себя чисто по немецки во время дороги, помни о немке жене. Кутайся, не выходи зря, и кушай хорошенько, не голодай. А здесь покормим и телячьей котлеткой и солонинкой и всяким другим. Будем любить и холить. Целую мое золото, мое необыкновенное существо небесными поцелуями.

Твоя Оля.

34. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

31 окт[ября] 1903 г. Москва] после Цезаря.

Голубчик мой, родной мой, ты мне такое грустное письмо прислал! Нет меня около тебя чтобы утешить, чтобы разговаривать тебя. Дусик мой, а вдруг ты здесь долго, долго поживешь! Мы побеседуем с Таубе и увидим как дальше будет. Во всяком случае я ему больше поверю чем Альтшулеру.

Ты здесь будешь душой покойнее и от этого и здоровье будет лучше. Право, дусик! Как выпадет снежок я тебе напишу и ты собирайся в путь. Здесь оживешь. Увидишь людей, жизнь, сутолоку, нервы, а что ни говори это заманчиво.

Мне хочется говорить с тобой, а не писать. Мне так многое хочется сказать, что всякое письмо кажется бессодержательным и не знаю что писать.

Репетировала Одиноких. У меня все таки не выходит 4-ый акт. Не понимаю его. Не чувствую. Меня это нервит. Была на выходе в Цезаре. В промежутке между 1-м актом и Форумом читала вслух «Розу,

Берндт» Гауптмана. Прислало ли «Знание» тебе эту пьесу.

Хорошо, захватывает, только много что-то Евангелия. Днем была у нас Зинаида Морозова, кн. Шаховской, Рындзюнский, Членов, кот. тебе очень кланяется. Вздумал просить у меня Вишневы сад для чтения каким-то девицам. Вообразил что я дам. Как-же!

Ну вот и весь день. Утром пела.

Мне сейчас очень скучно. А я свинья что пишу тебе об этом.

До завтра, мой милый, не клеится что-то письмо. Прости. Не сердись на венгерца. Я тебя люблю. Целую много и крепко. Когда приедешь? Не скучай, милый мой.

Твоя Оля.

35. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

1 ноября 1903 [г. Ялта].

Дусик мой, венгерец, вчера не было от тебя письма и я скучал. Нового у меня ничего не произошло, кроме разве того, что синий костюм велел я убрать, заменил его более теплым. Получил от Немировича письмо. Не получил, а наконец таки получил. Играть Пищика Вишневному нельзя никак, это роль Грибунина. Я не знаю, почему так хочется Марии Петровне играть Аню; ведь это куцая роль, неинтересная. Варя, по моему, гораздо более подходит ей. Немирович пишет, что она боится сходства Вари с Соней из Дяди Вани. Что же тут похожего? Варя монашка, глупенькая.

Ветер сегодня, холодно. В Таганроге праздновали мой юбилей, газеты пишут про этот юбилей, хотят, очевидно, чествовать меня т. е. наврать про меня еще больше; а между тем мой юбилей (25 лет) будет года через два-три, не раньше.

Пришли же мне список того, что я должен буду взять с собой в Москву, иначе я ничего не возьму.

Пиши мне, лошадка, каждый день, а то в дни, когда от тебя нет письма, я бываю уныл и зол, как старый беззубый пес.

Твой брокаровский порошок оказался негодным. Он не дает пены и не мылит головы.

Ну, будь здорова и весела, жена моя. Как только напишешь «приезжай», тот-

час же и приеду. В баню мне нужно, в баню.

[...], лошадка.

Твой А.

Бумагу — W., одну пачку, можешь выслать заказною бандеролью, только нитку вынь и сделай бандероль.

36. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

2 ноября [1903 г. Москва] за полночь.

Дуся моя золотая, прости, прости, — я вчера не писала тебе. Очень утомилась по правде сказать. Да и что писать — когда видеть тебя хочу.

Что я вчера делала? Репетировала 4-ый и 5-ый Одиноких. Вечером играли Три сестры, Адашев — Андрей и Адурская Наташа. Принимали хорошо, публики было достаточно. Была у нас Чирикова перед спектаклем и со мной поехала, и безумствовала на спектакле.

Сегодня как встала, прямо поехала в церковь, на отпевание отца Лужского; было много наших. Погода сырая, скверная, а я легко оделась. Авось сойдет. Не простужусь. Из церкви зашла к Шлиппе, к старичкам, кот. сейчас переселились на старое пепелище в Гагаринский пер. в свой дом. Там на дворе и мое детство протекло. Вспоминала. Оттуда заехала к маме сидит простуженная. Показывала мне письмо Кости, который прямо влюблен в тебя и пол-письма пишет все о тебе, просто как настоящий влюбленный благоговейно. Меня это трогает в Косте. У мамы очень много работы, т. ч. приходится отказываться от уроков, кот. приходят. Посидела у мамы недолго, спешила домой, к обеду. Обедал Вишневы и Иван Павл. с супругой. Ели раковый суп уток и гурьевскую кашу. Вкусно? Потом поехала играть «Дядю Ваню». Ну, вот факты внешние — как я жила. Настроение? Не пойму сама. Не дождусь репетиций Вишневого сада. Симов сейчас со мной говорил: сделали уже 10 макетов для 1-го акта ни одна кажется не подходит. Он спрашивает деревянный это или каменный дом? По моему каменный — да или нет? Вообще ему так хочется сделать что-то поэтичное, красивое. Он без ума от пьесы. Напиши ты ему, что тебе мерещится, будь добр. Это ведь не трудно? Дусик, пожалуйста. Адресуй в театр. Ему много можешь. Уверяю тебя¹. Дядю Ваню

принимали сейчас безумно восторженно. Если бы ты мог видеть и слышать! И народу было много. И играли хорошо. Вечно юная и свежая пьеса. Был Сулержицкий и очень и очень велел тебе кланяться и сказать что он наслаждался. Вишневский нервничает адски и потому играет хуже. Ведь он без передышки играет 32 раза. «Вы подумайте».

Дусик не соглашайся чтобы Мария Федор. играла Аню. Умоляю тебя. Это не выйдет у нее и не будет поэзии и аромата. Все таки лучше дать молоденькой ученице или Гельцер.

Как я хочу видеть тебя, дорогой мой! Хочу потрогать тебя. Хочу почувствовать себя сильной рядом с тобой, а то я без тебя клякса какая-то. Целую тебя миллион раз в очи, в уста, в затылочек. Мне очень хочется мягкой грусти.

Твой Венгерер.

37. А. П. Чехов. — к О. Л. Книппер

3 ноября 1903 [г. Ялта].

Дусик мой, здравствуй! Скоро, скоро приеду, хотя не верю, чтобы моя пьеса шла в декабре. Ее отложат до будущего сезона, я так думаю.

Насчет Эфроса, надеюсь, больше не буду писать тебе, прости, моя родная. У меня такое чувство, будто я растил маленькую дочь, а Эфрос взял и растлил ее. Но смешно, что сегодня Немирович в Новостях дня отвечает какой-то провинциальной газетке, кажется керченской, будто Эфрос передал содержание моей пьесы как следует. Или Немирович не читал Новостей дня, или он боится Эфроса, или у него какие либо особые виды. Как бы то ни было, но это скверно.

Сегодня погода тихая, сырая. Печи затоплены. Кишечник мой все еще плох.

Пьесу отдал Горькому в сборник. Что Чириков будет издавать или редактировать журнал в Москве, первый раз слышу от тебя. Для чего это? Кому нужен редактор Чириков? Писал бы себе рассказы. А Горький театр затевает...

Выглянуло солнышко.

Вспоминаю, что летом Маркс, когда я был у него, предлагал мне 5 тысяч. Вспоминаю и жалею, что не взял. Скажи Маше, что сосед Мандражи продал свою землю за 40 тысяч какому то петербургскому барину.

Если увидишь Горького, то скажи ему, чтобы он взял для набора пьесу у Немировича. Кстати: ты пишешь, что пьеса у тебя; ведь это единственный экземпляр, смотри не потеряй, а то выйдет очень смешно. Черновые листы я уже сжег.

Немирович, очевидно, нервничает. Ему бы отдохнуть надо.

Где теперь Сулержицкий? Что он делает? О чем мечтает? Все ли хочет купить землю?

Хризантемы цветут, деревья еще зеленые, а на горах уже снежок. Мне хочется пройтись по Кузнецкому и Петровке в новой шубе.

Ну, крепко обнимаю мою лошадь и целую. Воображаю, как ты смеялась с Муратовой, когда играла в Юлии Цезаре. Господь с тобой.

Твой А.

38. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

3 ноября [1903 г. Москва]

во время Цезаря.

Дорогой мой, пишу тебе в римском костюме, с обручем в голове, с украшениями в ушах и на шее, в белом плаще. Кругом тихо, только слышны звуки арфы, звуки труб: идет картина в саду Брута. Я до Форума ничего не делаю.

Сегодня видела в конторе твое письмо на имя Алексеева. Дуся моя, не беспокойся, не волнуйся относительно пьесы. Все хорошо, все удачно, все в восхищении. Как ты можешь сомневаться? Ты, ты, большой ты писатель, поэт, большой ты человек! Ты сомневаешься?

Аню кажется дадут ученице Косминской. Тебе верно пишут распределение ролей? Мне не очень ловко вмешиваться. Правда? Милый, как твое самочувствие? Как кишечки? Когда ты думаешь приехать? Отчего ты не пишешь? Я уже опять растерялась и ничего не понимаю в жизни.

Сегодня ужасно надоел нам Тейтель. Сидел, болтал, расспрашивал без конца, обедал (как раз обед был прескверный) пил чай и насилу уехал. У него повидимому главная цель в жизни: видеть как можно больше народу, повиднее, брать карточки с надписями и хвастаться ими. Не то недалек, не то маниак. Не вяжется у меня что с ним дружен Михайловский, славный, мягкий Ника.

А арфа все что-то наигрывает, и мне грустно, грустно.

Сегодня получила газету и письмо твое. Охота тебе обращать внимание на то что пишут во всех этих листках — много чести. Разве 25-го Окт. было 25-летие твоей литературной деятельности? А ты читал, что в Петербурге готовятся тебя чествовать? Как же это будет? Ты думал об этом? Ах милый, милый мой.

Меня начинает мучить что я все лето и осень ничего не работала и что я застряла остановилась как артистка, если таковой могу назвать себя. Я начинаю ужасно волноваться и нервиться. Лентяйка я ужасная. Меня всегда надо подстегивать кнутиком, а я сама ничего не могу делать. Какой это ужас. Сама виновата и сама бичую себя теперь. Дура я бестолковая, право! Злюсь на себя ужасно.

Что же тебе еще написать? Симов хочет тебе писать и задать несколько вопросов. До завтра, милый мой. Будь здоров, не тоскую. Ты знаешь что ты — сверхчеловек? Правда, дусик милый. Целую тебя, моя золотая душа.

Твой Венгерц.

Сегодня морозит, сухо.

39. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

4 ноября [1903 г. Москва]
после «Дна».

Какие я тебе стала скучные, бессодержательные письма писать дорогой мой! И ничего тебе не шлю. Ждала пока Маша будет посылать сапоги и вот завтра будем отправлять. Голубчик мой, я не знаю чем тебя порадовать. Возьмемся за Вишневы сад и тогда оживем, посвежеем. И ты приедешь. Как мы славно с тобой поживали лето и осень — правда? Я тебе не доставляла тяжелых минут? Все таки — иногда? Правда? Я очень скверное создание и не понимаю себя и не выработала в себе ничего для жизни. Живу как слепая.

Репертуар буду высылать сама. В конторе божатся что отправляют каждую Субботу. Ничего не понимаю.

Немирович утомлен адски и только помышляет о том, как бы удрать освежиться. Он один работает за всех в театре. От Вишневого остался один дрожащий нерв. Говорить с ним страшно.

Скоро бросаться будет. Так что если он не будет играть в твоей пьесе — это ему пойдет на пользу. Он пользуется большим успехом у дам. Получает письма, подарки

25-летие существования Филармонии откладывается из-за смерти маленькой принцессы Гессенской. Велик. княгиня отправилась в Дармштадт. Умерла девочка от холеры в 24 часа. От нашего театра готовилась депутация с адресом, т. е. в Филарм, а не на похороны. Москвин, Муратова и я собирались ужинать подписываться в Эрмитаж и кутнуть. Ну, пождем теперь.

Приехал дядя Карлун и через несколько дней отправляется в Ковров где будет санитарным врачом. Он похудел, побелел, но бодрый, пил много водки сегодня у мамы за обедом.

Видела в театре Левинского, кланяется тебе очень.

В моей большой комнате очень уютно теперь — тебе понравится. Варвара Эберле никак не поправится бедная. Теперь лечит ее доктор Щерба электричеством. Не то истерия, не то малокровие в высшей степени. Жалко ее.

Уехал ли Костя! Если бы ты знал как он трогательно о тебе пишет!

Шнап жизнерадостен, от озорства все грызть хочет. Глаза у него интересные.

Маша кухарка в ожидании, толстая ужасно ходит. Ты бы конечно опять обвинил Вишневого.

Порошок брокеровский просто плох вероятно, оттого и не мылятся. А зубы и руки на ночь моешь? Или все забыто? Белье часто меняешь? Смотри в чистоте держи себя, а то приедешь с грибами на теле. Я обливаюсь каждый день, т. е. утром, в ванне.

Целую тебя много и вкусно.

Оля.

Мамашу целую Жоржу кланяюсь.

40. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

5 ноября [1903 г. Ялта].

Дуся моя, суслик, вчера получил от тебя письмо насчет одеяла и сегодня же сам поехал в город. Ты пишешь об одеяле «бледно желтом с зеленым отливом, светлым», между тем я перерыл все бухарские одеяла и не нашол ни одного светлого, все скорее зеленого цвета с желтым от-

ливом. И продавец сказал, что бледно желтых никогда в продаже не было. Нечего делать, взял одно. Если не сгодится, то рассердись и брось.

На дворе сегодня очень хорошо, светло, тихо. Членову не давай моей пьесы, никому не давай и не читай. Сегодня получил письмо от Станиславского с запросами насчет того, какой дом, каменный или деревянный и проч. и проч. Буду ему отвечать.

Здесь московский Репетилов — психиатр Баженов, который уже был у меня. Он ненавидит Художественный театр из страсти к Малому.

Получил не совсем приятное письмо от Вишневого. Жалуется, подчеркивая по два раза фразы в письме, что ему не дают роли в Вишневом саду и проч. и проч. Какое то странное письмо.

Тепе видней московская погода: когда назначишь тогда и приеду.

Напиши, как прошли «Одинокие», был ли сбор, хорош ли Лужский. Костя, твой брат, еще в Ялте; ждет Михайловского, который уехал в Петербург. Должно быть, раньше 15 ноября не выберется из Ялты.

Я читал письмо Немировича в Новостях дня и только теперь понял, откуда недоразумение. Он пишет, что в рецензии ошибок нет, очевидно у меня в пьесе много описок и в самом деле гостиница названа «какой то гостинницей». Если так, вели исправить, дуся; если на билиарде играют, то не значит, что это гостиница. Но неужели из текста не ясно? Впрочем, ничего не понимаю. Не думаю, чтобы Немирович, только для того, чтобы укрыть Эфроса, стал бы говорить неправду... Так напиши же мне, что в моей пьесе: гостиница или гостинная? Если гостинница, то телеграфируй.

Приеду в Москву и тотчас же в баню, а потом ужинать, а потом спать. Ах, собака, собака!

Господь с тобой. Нового, кроме одежды, купленного для тебя, ничего нет. Обнимаю тебя, [...], лошадка моя драгоценная.

Твой А.

41. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

5 ноября [1903 г. Москва] ночь.

Опять льет дождь, дорогой мой! Как это скучно, как это грязно! Скорее бы

подморозило, чтобы тебе можно было приехать.

Я сейчас вернулась от Саши Средина. Он давно уже хворает. Десять дней лежал, теперь поправляется. Доктор советует ему уехать в Рим. Супруга об этом слышать не хочет. Он верно простудился в мастерской, там жара доходила до 20°. Не будет уже больше ходить туда. Сидели, говорили о скучной московской жизни, поиграли с ним в 4 руки. Он славный, Саша. Все останавливает мягко жену когда она начинает все преувеличивать. У нее это мания. Детки у них тоже в grippe, т. ч. невесело им было за все это время. Говорили о тебе, т. е. о писателе Чехове. Мария Григ. в восторге от Трех сестер, говорит что это самое лучшее что она видела в Худож. театре. — Получил ли ты новую книгу от Бальмонта, или еще нет?

Сегодня обедали у нас Хотяинцова и дядя Карлун. Первая сидела все с ангиной, хворала и выглядит неважно. Второй похудел но хорошо выглядит, мягкий, приятный. Мы с ним выпили водочки, закусили ливерной колбаской. У него с Машей оказалась общая знакомая — Кочубей: она сестра Чичерина, у которых жил д. Карл.

Маша ходит в мастерскую и кажется, слава богу, увлекается работой. Давно пора. Я за нее рада. Там в мастерской пишет и Эля, и Оля Галяшкина и одна из Шлиппе.

Роли наконец почти распределены. В правлении большинство голосов решает: Лопехин — Леонидов (хорошо), Гавев — Станисл., Трофимов — Качалов, Пищик — Грибунин, Епиходов — Москвин, относительно женских не знаю как решат. Мнения о Варе и Шарлоте расходятся. Все ждут от тебя какого-то письма. С каким-то благоговением приступают к Вишневому саду.

Хризантемы еще стоят в воде. Дуся, пришли мне еще. Так приятно получать их. Антонка, ты меня хорошо помнишь? Тебе приятно будет снова увидеть меня? Милый мой. Дыши побольше южным воздухом и привози его с собой побольше. Здесь встречу тебя с шубой, с валенками, со всяким теплом.

Будь здоров, дусик. Меня мучит Анна Мар. Переделать старую роль очень трудно, а моя игра не удовлетворяет меня. Я не могу въехать в этот образ как в

перчатку и не владею им. Немирович бранит меня, зовет лентяйкой. Отчасти это верно.

Дорогой мой, крещу тебя, целую трижды и мягко обнимаю.

Венгерец.

42. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

6 ноября [1903 г. Москва] ночь.

Спасибо тысячу раз за хризантемы, милый мой, дорогой мой. Они опять в воде распушились и стоят свеженькие.

Я сижу, а мышь скребет. Я люблю это.

Сейчас вернулась от Ольги Михайловны, от Володи. Хлопочу с Вишневым вместе, (т. к. он водится с министрами) чтобы дали повышение мужу Ольги. В акцизе без протекции никогда не вылезешь. Завтра Стахович едет в Петербург и мы его будем просить поговорить с Оболенским, а Вишневский и напишет к тому же. У бедной Ольги все дети перехворали в кори, и еще маленькая девочка 2-х лет ее сестры, болела тоже корью и воспалением легкого. Это та сестра, кот. с мужем жила 2 года за границей (он изучает сельское хозяйство) теперь они без места и ютятся в маленькой квартирке.

Элю я застала в белом халате с вымытыми распущенными волосами. Володя пришел позднее из квартетного. Он лежал два дня с своими адскими желудочными болями, с повышенной температурой.

В Воскресенье они придут обедать ко мне.

Прошли всю пьесу «Одинокие» в обстановке. Завтра утром генеральная репетиция, в Субботу играем.

Дуся, пиши мне больше о себе, о каждом часе твоей жизни. Сегодня опять слякоть. Когда же подморозит! Когда ты приедешь?

Горло пульверизируешь?

Значит Аню играет Лилина — может выйти хорошо. Варя — Андреева — не чувствую. Мне жаль что Аня — Лилина. Она бы лучше играла или Варю или Шарлоту. Посмотрим. Тебе интересно, поскорее посмотреть репетицию? На днях принимаемся. Давай нам бог.

Кукиши не показываешь по утрам? Хочется чтобы венгерец вошел ночью с подушкой и со свечой и потом ворча скрывался? Целую тебя крепко, крещу и нежно поглаживаю.

Твой венгерец.

43. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

7 ноября [1903 г. Ялта].

Дусик мой, лошадка, здравствуй! Нового ничего нет, все благополучно, решительно все. Писать не хочется, а хочется ехать в Москву и все жду твоего разрешения.

Умер Ф. Поленц, автор «Крестьянина», чудесный писатель. Получил письма и от Немировича и от Алексева, оба повидимому недоумевают; ты сказала им, что моя пьеса мне не нравится, что я боюсь за нее. Но неужели я пишу так непонятно? Я до сих пор боялся только одного, боюсь, чтобы Симов не стал писать гостинницы для III акта. Нужно исправить ошибку... Пишу я об этом уже целый месяц, а в ответ мне толькожимают плечами; очевидно гостинница нравится.

Немирович прислал телеграмму срочную с просьбой прислать в ответ срочную же телеграмму — кому играть Шарлотту, Аню и Варю. Против Вари стояли три фамилии — две неизвестные и Андреева. Пришлось выбрать Андрееву. Это хитро устроено.

Костя давно уже не был у меня. Вероятно, сегодня придет. Михайловского задержат в Петербурге; очевидно Костя не скоро выедет домой.

Дусик, выпиши меня отсюда. Одеяло послал я тебе с Баженовым, который вчера приходил прощаться. Если не понравится, пришли, я перемену.

«Банкрот» провалился в Новом театре? Я видел эту пьесу в отличном исполнении, она показалась мне превосходной пьесой да так оно и есть на самом деле. Там две мужские роли написаны отменно.

Сегодня я проспал, проснулся в 9 часов! Чувствую себя, кажется, недурно. Только вот расстройство кишечника. Надо бы изменить режим, вести более безнравственную жизнь, надо бы все есть — и грибы, и капусту, — и все пить. А? Как ты думаешь?

Скажи Вишневному, чтобы он пешком ходил побольше и не волновался.

Ну, пупик мой, обнимаю тебя. Выписывай меня поскорей. Неужели тебе неинтересно увидеть мужа в новой шубе?

А.

Не пиши мне про жареную утку, не мучай меня. Когда приеду, целую утку съем.

44. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

7 ноября [1903 г. Москва] ночь.

Ну, сегодня я устала, дорогой мой! Днем генеральная Одиноких, вечером Столпы. Здрово. Лужский очень хорош стариком Фокерат, Качалов кажется приятен, но Конст. Сергеевичу не нравится. Еще не влез в роль. Что-то будет завтра! Я буду волноваться. Говорят, я проще теперь играю.

Неужели ты думаешь, что у меня может пропасть рукопись твоя? Ведь лежит она всегда под ключом и я не даю ее никому.

Ты жалеешь, что не взял денег у Маркса? Тебе нужны деньги? Напиши, — ведь можно в театре взять. Этот год ты хорошо зарабатываешь.

Сулержицкий опять в Москве, мечтает о земле, о деревне, и уже о прежнем молчит. Хотел ко мне обедать придти.

Тебе хочется пройтись по Петровке в новой шубе? Ну что ж! Скоро можно будет.

Сегодня был у меня Озобишин, через которого Корсов просит твою пьесу для перевода. Корсов лежит уже 3-ю неделю с сильнейшим ревматизмом и умоляет дать ему эту работу, которая оживит его. Я обещалась приготовить ему экземпляр.

Получила от Чюминой письмо; она бедная 8 недель мучается с воспалением коленной чашки, совсем калека. Просит передать тебе что берлинский литератор Флакс, переводивший и ставивший Гоголя, просит через Венгеровых о разрешении перевести Вишневый сад, чтобы ставить его на лучшей берлинской сцене. Разрешить — да? Жена Флакса — русская. Ответь и не сердись. Прислала мне перевод «Королевских идилий» Теннисона.

У меня, милый мой смутно на душе. «Ничего я не хочу, ничего не жалаю».

Покойной ночи, родной мой. Приезжай, посмотри на суету людскую, на нервы, на страсти человеческие. Целую тебя [...].

Твоя лошадка.

45. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

8 ноября [1903 г. Ялта].

Дуся моя, таракаша, сейчас получил письмо, в котором ты величаешь меня

сверхчеловеком и жалуешься, что у тебя нет таланта. Покорнейше благодарим.

Вчера я получил письмо от некоей госпожи Янины Берсон, которая пишет, что студентам в Женеве «жрать нечего, работать негде, не зная языка — с голоду подохнешь». Это знакомая Горького. Просит она экземпляр «Вишневого сада», чтобы поставить его в Женеве с благотворительною целью. Будут де играть студенты. Так как она говорит, что видается с тобой в театре, то пожалуйста передай ей, что «Вишн. сад» раньше постановки в Худож. театре я не могу дать, так как пьеса еще не готова, понадобится кое-что изменить, что пьесу она получит в декабре или январе, а пока студенты в Женеве пусть поставят чтонибудь другое, например, «Евреи» Чирикова, пьесу очень подходящую и очень порядочную во всех смыслах. Слышишь? Так и скажи ей. Я же не отвечаю ей, потому что не знаю, как величать ее по батюшке. Повидимому, груба она адски.

У нас дождь. 10 градусов тепла. Сегодня буду мыть себе голову. Полцарства за баню! Сегодня у меня обедает К. Л., готовят поэтому цветную капусту и утку. А здешние утки тощи и жестки, как хищные птицы.

Сегодня в газетах известие, будто крымскую дорогу будет строить не Михайловский, а кто то другой. Очевидно, сплетня Софьи Павловны.

Ольга Михайловна привезла мне устриц и селедок. Наши так испугались устриц, с таким ужасом и брезгливым суеверием глядели на них, что пришлось мне не есть их. Сельди хорошие. Вообще, очевидно, без Ольги Михайловны мне жить никак нельзя. Софья Павловна скоро приедет в Москву и нарочно для Москвы заказала себе в Одессе шубу и несколько платьев.

Мой юбилей — это выдумки. Про меня никогда еще не писали в газетах правды. Юбилей будет вероятно не раньше 1906 г. И меня эти юбилейные разговоры и приготовления только раздражают.

Как только напишешь, чтобы я ехал, тотчас же закажу себе билет. Чем скорее, тем лучше.

Ты не очень выучивай свою роль, надо еще со мной посоветоваться; и платьев не заказывай до моего приезда.

Муратова так, в общежитии бывает смешной; скажи ей, чтобы в Шарлотте она была смешной, это главное. А у Линой едва ли выйдет Аня, [...].

Когда наконец я с тобой увижусь? Когда я буду тебя колотить? Обнимаю тебя, лошадка.

Твой сверхчеловек, часто бегающий в свехватерклозет.

А.

46. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
8 ноября [1903 г. Москва] после
Одиноких.

Сыграны «Одинокие», дусик милый! Прием овационный, точно новая пьеса. Сбор почти полный. Видишь как славно все. Качалов кажется понравился, но не совсем еще окреп. Лужский хорошо играл. Вообще пьеска будет посещаться. Я очень волновалась. Как играла — не знаю.

Завтра начинаем Вишневый сад. Уррааа!!!

К 12-ти час. идем с Машей к Морозовым завтракать, оттуда я прямо в театр. Сегодня была на Одиноких М. Ф. Якунчикова и Дягилев. Очень звали меня ужинать. Я пожалуй, поехала бы, но пришла в театр в халате а не в платье, и потому не могла. Коровин был с ними. А мне бы хотелось познакомиться с ним. Дягилев будет завтра у меня в 6 час.

Муратова ходит вроде помешанной с ролью Шарлоты, с глупой, блаженной улыбкой на устах. Теперь буду рапортовать тебе каждый день как идут переговоры, репетиции. А скоро ты и сам приедешь. Да, милый мой? Поживем опять с тобой.

Конст. Серг. сегодня смотрел весь спектакль и говорит что не мог уехать, так затянула его пьеса. Он славный теперь, мягкий. А. Немировичу надо отдохнуть — это правда. Он ведь в театре с 11 ч. утра, в 5 уезжает, ложится, обещает и опять в театр. И так каждый день. У него и школа на руках и весь театр. Помощников нет.

Завтра сама пошлю тебе репертуар.

Ну, еще надо сейчас написать в Гурзуф Соловьевой. Нашлась охотница ехать к ее девочке.

Целую тебя нежно, дорогой мой, светлый мой, ясный мой.

Твой венгерец.

47. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер
10 ноября [1903 г. Ялта].

Милая Книппуша, собака моя, здравствуй! Если ты спрашиваешь насчет книги Бальмонта «Будем как солнце», то книгу сию я получил уже давно. Могу сказать только одно: толстая книга. Получил сегодня от Конст. Серг. извещение, что сегодня 10 ноября начинаются репетиции В. С. и что Сергей Саввич М. едет в Японию корреспондентом Русского Листка.

В своем письме Конст. Сергеев. говорит, что для III и IV актов будет одна декорация¹. И я рад, рад не тому, что будет одна декорация, а тому, что III акт, очевидно, не будет изображать гостинницы, которой почему то так хотели Немирович и Эфрос.

У нас дождь, сыро. Не выхожу. За то часто бегаю в W. — все таки гимнастика.

Насчет акуратности моей не беспокойся, дусик. Переодеваю сорочку часто, костюм меняю каждый день, зубы чищу, если и не каждый день, то чаще чем раз в два дня. Только вот в бане не бываю, но в этом я не виноват нисколько. От ванн я слабею и простуживаюсь.

Описывай мне в письмах репетиции.

Нового ничего нет, все благополучно. Темно писать, хотя еще только 3 часа дня.

Если ты мне еще не изменила, то обнимаю тебя и целую множество раз.

Твой А.

48. О. Л. Книппер — к К. П. Чехову
10 ноября [1903 г. Москва] утро

Дорогой мой, нежный мой, вчера не писала тебе — целый день трещала, голова и к вечеру все сильнее.

Завтракали с Машей у Морозовых и там уже начало колотить в виски. Потом спешила в театр на Вишневый сад, волновалась что опоздала. Погода была удивительная, хотя грязь. Воздух мягкий, теплый. Я не могла надышаться. Решила что это великолепное предзнаменование для Вишневого сада. Беседовали о ролях, выясняли характеры, отношения: Раневской, Ани, Вари, Гаева. Сегодня продолжение.

Все мягкие, приятные. Смотрели на сцене две приблизительные декорации

1-го акта. Дусик, когда ты приедешь, ты мне скажешь, где в моей роли можно будет вставить франц. фразочки, характерные. Можно ведь?

Как ты меня тронул дусик милый! Ты сам ездил за одеялом? Родной мой, голубчик! Как мне тебя благодарить! Вот я буду сладко спать под ним! Сны волотые видеть буду.

Одинокие отлично прошли. Качалова все газеты расхвалили. Как будто новую пьесу поставили, такое чувство у всех. Хорошая это пьеса.

Был вчера Дягилев с каким то студентом. Очень скорбит, говорит что он стал зеленый с синим отливом оттого что ты дал пьесу Горькому а не ему. И вообще что он за тобой ухаживает любит тебя и ты никакого внимания. Умоляет дать ему что нибудь из твоих произведений. Болтал много, шикарный и противный. Взял адрес Леонида Андреева, поедет к нему. Говорит что писал тебе писем 5 за осень и не получал от тебя. Правда? — Была Дроздова, лице-зрела великолепного петерб. кавалера. Обедала у нас Муратова. Вечером я в халате поехала к маме. Володя прикатил за мной. Бабушка сидела там. Вся семья была в сборе. Шнап тоже ездил, и все время воздух портил. Сначала все подозревали бабушку, но потом выяснилось. Хохотали до упаду. Дуся, до завтра. Целую тебя.

Твоя Оля.

49. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

11 ноября [1903 г. Москва] утро.

Дуся моя, ты просишь выписать тебя сюда? С наслаждением. Ты мне однако страшно мало пишешь о своем здоровье, только знаю что кишечки шалят.

А может здесь лучше будет? Как вот только с погодой! Все еще не установилась, все еще нет санного пути, нет снежка, нет сухости. Хотя скоро верно будет, снежок выпадает, воздух стал мягче. Во всяком случае скоро увидимся. Только ты покорись одному: с вокзала повезу тебя в чистенькой каретке. Делаю это для себя, чтобы можно было болтать с тобой по дороге и иногда поцеловать. Согласись и не скандаль. Знай, что когда ты приезжаешь в Москву, то ты в полном моем распоряжении и должен мне

покоряться. Я ведь летом тебе покорная жена? Правда или нет?

Вчера на беседе много говорили о Трофимове. Он ведь свежий, жизнерадостный и когда он говорит то не убеждает, не умничают, а говорит легко, т. к. все это срослось с ним, это его душа. Правда? Ведь он не мечтатель фразёр? По моему в нем много есть того, что есть и в Сулержицком, т. е. не в роли, а в душе Трофимова. Чистота, свежесть. Что Варю играет Андреева — это нехорошо. Вряд ли она что сделает. По моему лучше на месте была бы Савицкая. Я бы дала Аню ученице, Варю — Лилиной, Шарлоту — Муратовой или Савицкой. За мужские роли я спокойна. Приедешь все увидишь, все услышишь. Скажу только что все с таким наслаждением, с такой радостью приходят на репетиции что передать тебе не могу. Точно праздник а не репетиция. Это тебя должно радовать.

Вчера навестил нас поэт Ладыженский, сидел долго и было очень скучно. Потом пошел с нами в театр Корша, на пьесу Найденова: Богатый человек (Деньги). Сидели мы в бенеуаре: Иван с Соней, Дроздова, Маша и я. Поэт в партере. Пьеса скучноватая, хотя чувствуется талантливость, много есть хорошего теплого. Играли все скверно, кроме Голубевой — учительницы, но и этот тип не нов и потому не очень интересен. Постановка слабая, из скандала в 3-м акте ничего не вышло. Вообще нигде ничто не захватывает. Яковлев — Купоросов — слаб. Кошова — Сашенька — не то. Плохо-с, не важно-с. Были в театре Савва с Зинаидой (Морозовы). Он уверяет что пьеса хорошая и что у нас вышло бы отлично. Я думаю, он оттого пристрастен, что это из его сферы и он бы деятельно был занят указаниями. После театра все пришли к нам, закусывали, болтали.

Вот и день прошел. Милый, до завтра. Спасибо тысячу раз за одеяло!!! «Банкрот» конечно провалился как и все в Нов. театре. Страшно хочу видеть тебя в новой шубе.

Целую, милую

Твоя Оля.

50. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

12 ноября [1903 г. Ялта].

Пупсик, читал сегодня в газетах про «Одиноких» и порадовался. Старайся, ло-

шадка, награда тебе будет. А с каким удовольствием я посмотрю «Одиноких»! Посмотрю не раз, а пять раз.

Дня три назад пришло от Маши извещение, что валенки куплены. Ждал я сегодня, ждал вчера и наконец рукой махнул. У бабушки ревматизм, а я без бумаги W.W., в самом гнусном положении. А насчет бумаги я прошу! с самого сентября... Быть может я пишу не понятно. В прошлом году была история с адресом, а в этом году с «какой-то гостинницей» и вот с бумагой. Просто не пойму, в чем дело.

Скоро в Москву приедет мадам Бонье, привезет с собою мать. Хотели они выехать на будущей неделе, вначале, но теперь стало очевидно, что раньше 20-го ноября им нельзя будет выехать. Я пишу solo.

Сегодня погода просто прелесть. Тихо и ясно.

Насчет переводов моей пьесы говори всем, что ты знать ничего не знаешь, что я не отвечаю на твои запросы и проч. и проч. Ведь я не могу запретить, пускай переводит всякий желающий, все равно толку никакого не будет.

Скажи Сулеру, чтобы он не уезжал не повидавшись со мной; мне необходимо поговорить с ним насчет его хозяйства. Нужно, чтобы он купил себе землю не в Черниговской губ., а в Московской. В Черниговской можно разводить и ананасы, да сбыта нет, а в Московской всякий огурец, даже желтяк, спустить можно.

В моих письмах нет веселости, чувствую, дусик мой. Я раскис, злюсь, кашляю, бегаю в W. Нового ничего нет. Твой брат еще в Ялте. Вчера я сообщил по секрету Софье Павловне, что твой брат выиграл в последний тираж 25 тысяч: значит скоро появится об этом в газетах.

Сейчас обедали. Решено было за обедом, что мать поедет в Москву с горничной Настей, выедет она на будущей неделе во вторник, с почтовым. Одним словом, выедет 18 или 19 ноября. Ялта ей опротивела. Ты сделай так, чтобы она побывала на «Одиноких» и «Юлии Цезаре». Останется она у Вани, а потом, как говорит, будет искать себе квартиру, чтобы прожить в Москве до весны.

Мне подниматься на 3-4 этаж будет трудно, да еще в шубе! Отчего вы

не переменили квартиры? Ну, да все равно, я буду в Москве сидеть дома, схожу только в баню, да в ваш театр.

Обнимаю тебя, лошадка, жму твою копытце, разглаживаю твой хвостик. Будь здорова и весела.

Твой А.

Настя торжествует.

Помнится, от г-жи Флакс было письмо; и помнится, я ответил уклончиво, отказал. Это насчет «Дяди Вани», кажется. Когда выпишешь меня?

51. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

12 ноября [1903 г. Москва] утро.

Сейчас, родной мой, буду писать откровенно шубы: все таки я взяла Вишневого (прости) и пошла к Белкину. Все таки там уже не надуют, сделают на славу. Мех самый легкий и теплый, как я уже писала это — крестоватик. Он не очень красив, но легок на удивление, и тепел. Верх я выбрала тоже не тяжелый — черный с серыми волосиками, т.ч. получается что-то приятное темно-серое. Воротник по моему хорошо бы из котика (конечно поддельного) и мягко и тепло. Мерлушка тяжеле. Как ты думаешь? Образцы верха я тебе пришло и ты сам выбери. Шуба будет стоить около 200 р. Это по моему не дорого для большой и главное легкой зимней вещи. Дешевое никогда не будет легко. И вообще экономить на этом не смей. Если ты все одобришь, то pošлю твою старую шубу к Белкину для мерки. Он скроит все шире и гораздо длиннее, приготовит примерку, в день приезда померит и через 2 дня будет шуба готова. Если хочешь можно сделать совсем черную, тоже хорошо. А легко будет удивительно.

Янину Берсон я знаю. Это protégée Горького, еврейка, которую он скрывал у себя, когда она бежала с женихом который отравился потом. Про Женевских студентов мне уже говорили, т.е. о просьбе дать Вишневый сад. Передам Янине что ты велел.

Вчера была Лепешкина, просит от имени нескольких петерб. газет узнать число твоего юбилея. Я уверяла ее что не знаю, и действительно не знаю. Да если бы и знала не сказала бы без твоего разрешения. А ради твоего юбилея ты мне можешь сделать подарочек: когда при-

едешь то расскажешь то, что было 25 лет тому назад, а лучше бы, если бы написал мне, лично мне. Больше этого никому не надо. А мне это было бы дорого. Ты это понимаешь?

Вечером вчера сидели дома с Дроздовой: и Маша и я мылись в ванне, одна за другой. Я делаю тебе утки.

Сегодня +2°. Слякотно. Немирович уехал к Черниговской на 4 дня. Он очень нервен.—М-те Коновицер выкрасила свою седину в рыжий цвет. Это ужасно. Вот тебе московск. сплетни. Сегодня играем «Одиноких». Целую моего сверхчеловека и прошу пореже бегать в.... Обнимаю.

Оля.

52. О. Л. Книппер — к К. П. Чехову

13 ноября [1903 г. Москва] утро.

У меня губавздудась, просто гадость. Верно простудилась дорогой мой!

Вчера на Одиноких видела Екат. Пешкову, кот. видела тебя накануне отъезда, говорит что ты выглядишь хорошо и настроение хорошее. Как я счастлива, дусик милый.

«Одинокие» кончились со скандалом. Мария Федоровна чего то съела на днях, и у нее была рвота, упадок сил, слабость и она еле играла. После 5-го акта ее подняли (она падает со свечкой) и во время первого вызова она при открытом занавесе упала назад в кресло. Публика видела это и прекратила аплодисменты, но не расходилась. У нас тоже не знали что делать. Наконец открыли занавес и публика устроила овацию. [...]. Положим она была слаба, но какже, проиграв 5 актов, не додержаться на ногах лишние 1/2 минуты. Ведь не обморок же был. Публика решила что это произошло от сильной игры. С одной беременной дамой сделалось дурно и она чуть ли не до часу ночи лежала в конторе. Острили над полковником, будто он возмущался что бесплатно сидели двое на одном месте.

Днем я смотрела на сцене разметку 2-го акта Вишневого сада, т. е. приблизит. декорации. Будет хорошо и ново, мне кажется. Решали декорацию 1-го акта. Сегодня планируем 1-й акт, т. е. не декорации, а участвующих.

Мария Федор. верно не будет. Верно у нее это от устриц, кот. она покушала

на днях. Одинокие идут при полных сборах.

Вообще работаем славно. Вишневатский положил в банк уже около 60 000 р. Он вчера заходил к нам во время обеда, обедать поехал к Якунчиковым. Зол на Дягилева, что тот сравнял его с Х у кот. какая то известная скверная репутация. Возмущается. А знаешь, он хоть и очень устал, но ему очень больно, что он не играет в твоей пьесе.

Сегодня я с Машей обедаем у Алексеевых, запросто. Маша увлекается своей живописью, работает успешно. Это очень хорошо. А то она все спала.

В субботу 25-й Юлий Цезарь. Хотим праздновать в театре после спектакля.

Посылка задерживается по неизвестным причинам. Ты не сердись.

Целую моего дусика тысячу раз и жажду увидеть, жажду услышать твой голос. Ты меня отколоти когда приедешь. Я заслужила. Вина привези сладкого.

Целую и обнимаю.

Твой венгерец.

53. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

15 ноября [1903 г. Москва] утро.

Голубчик мой золотой, я виновата — вчера не писала тебе. Третьего дня ночью очень была утомлена и хотела писать вчера днем, но после репетиции, вплоть до моего ухода в квартетное, сидела у нас бабушка и я не могла писать. К тому же эти дни мне нездоровится [...].

Я, милый, кажется, больше не буду ходить обедать, когда зовут. Вот уже два случая, что я приношу несчастье: раз у Лужских, помнишь — я писала? А теперь у Алексеевых: представь — приходим третьего дня, а там переполох страшный: учительница их детей, которую они очень любят, и кот. давно уже ходит к ним — лежит разбитая ударом с парализованной стороны — бегают доктора, шушукаются, не знают, не то умрет тут же, одним словом паника. Случилось с ней незадолго до нашего прихода, в передней, когда она пришла на урок. [Нас Мария Петр. оставила, мы сами накрывали на стол, обедали конечно кое-как; тут же привезли карету скор. медич. помощи и я вспомнила весь ужас моей болезни в Петербурге. В больницу ее нельзя было везти, она слишком страдала. Все таки

позднее вечером ее отвезли. Вчера еще все была без сознания. Странно: она не старая, худенькая, отчего же удар? Нервный может?

Видела там типик: княжну Черкасскую, директрису института какого-то, пожилая, полная, с усами. Болтала я с детьми; они славные. Играли в театр, т. е. куклы: Русалку, а позади сцены, дети читали ее по ролям. Потешно было.

За эти два дня распланировали 1-й акт. Теперь начнем репетировать как следует. Мария Фед. больна, не ходит, и 16 идут Столпы вместо Одинокх.— Муратова пока вместо собачки возит на цепочке сумочку, ходит в цирк, жонглирует все время, делает фокусы и смешит. К. С. ожил с твоей пьесой, вообще настроение у всех отличное и работать будет весело и приятно. Ты должен радоваться этому. Посылаю планчик 1-го акта. Поймешь? Окна большие и вишневый сад так и будет лезть в окна. На макетке это отлично выходит. Декорация простая как видишь. Перегородка, за которой якобы спала нянька. Приезд будет из амфилады комнат. Кофе я буду пить на старом диване № 1, диван, вроде как стоял в Любимовке, в длинной проходной комнате рядом с нашей столовой. Помнишь? Залезать на него надо с ногами. Пищик подремывает, то на старом кресле, то на лежаночке. Сцена Ани с Варей: Аня сидит на лежанке, Варя на стуле около нее. Хорошо выходит: интимно, любовно. Тебе понравится. Хочется репетировать целый день, не ушел бы из театра. И сейчас вот с радостью бегу.

Вчера была в консерватории, слушала квартет заграничный. Наслаждалась. Лицо у скрипача удивительное: бледное, одухотворенное, глаза с длиннейшими ресницами, большие, красивые; белокурый, нервный. Кажется они чехи. Играют как маленькие боги. Изящество удивительное.—Ну дуся, кончаю, скоро надо идти в театр. Целую тебя нежно, не дожидусь тебя. Телеграфируй о шубе моментально.

Твоя Оля.

Был Елпатьевский — никого не застал.

54. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
[15 ноября 1903 г. Москва].

Забыла написать в письме: 3-ий и 4-ый акты будут совсем в разных декорациях.

О гостинице никто никогда не думал, кроме твоего друга Э. Никакого недоразумения не было. Успокойся. Видела макет 4-го акта — великолепно. 3-ий еще не готов. Целую мамашу и пусть она меня побьет за то что не пишу ей.

Неужели журавль помре?

55. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер
16 ноября [1903 г. Ялта].

Милый мой дусик, не писал тебе так долго, потому что был сильно не в духе и боялся наговорить в письме глупостей. Сегодня воскресенье, на дворе тихо и на душе у меня лучше, хотя в сущности ничего не изменилось, все попрежнему.

В карете не выезжай за мной, ведь меня в карете тошнит. Самое лучшее — обыкновенный извозчик. Репертуар получил из театра в понедельник, а от тебя в субботу, когда он уже устарел. Если Тихомирова стала опять высылать, то ты уже не беспокойся.

Мать выезжает послезавтра, во вторник. Она поедет на почтовом, курьерского не любит. Будет в Москве жить у Вани.

Если не высылали еще валенок и бумаги W., то и не высылайте. Надо бы мне было еще в сентябре телеграфировать Мюру, а я не догадался. Скажи Маше, что английский журнал и яблоки привезет мать. Настя чуть с ума не сходит от радости, что едет в Москву.

Сосед мой Мандражи продал свою землю какому то, как говорят, петербуржцу. Ольга Мих. объелась устриц и заболела. Насчет учительницы или гувернантки она телеграфировала не тебе, а тебе для передачи Маше — так она говорит по крайней мере.

У меня характер несносный, прости меня, дусик.

Целую тебя и крепко обнимаю.

Твой А.

56. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
16 ноября [1903 г. Москва] 5 ч. дня.

Никогда еще не писала тебе в такой час, родной мой, милый мой! Сегодня — 7°. А снегу нет. Тоже плохо. Т. е. ездят на санях но лошадям трудно. Снег с землей.

Голубчик, неужели во всей Ялте нет бумаги W? Не могу представить. Посылку

отправили. Посылаю тебе полочку, кот. тебе понравится. Надо ее повесить над столом с фотографиями, налево от входной двери, а то стена там пустая. Повесишь? И ставь на нее фотографии.

Ты пишешь о нашей лестнице. Да, это ужасно и терзает меня адски. Переменить квартиру нельзя до Марта (контракт). Чтобы найти квартиру по вкусу и такую как надо, нужно искать в Июле, Августе. А то у нас квартиры все случайные. Берем потому что все таки лучше той кот. была раньше, а не потому что она нам очень подходит. Я тебе устрою лифт. Я хоть сейчас съехала бы. Мне все равно. У меня ведь нет жизни в квартире. Что ты пишешь за абсурд: — мамаша будет искать квартиру себе! Я так поняла: вы говорили верно в неприятном тоне друг с другом и вот ты писал под впечатлением этого разговора. Маша все проэктирует, что она мамашу привезет после Рождества сама. Отчего не так?

К нам высоко, но зато воздух хороший в квартире. И душа будет у тебя спокойна и я буду за тобой ухаживать. Только бы скорей с ролью справиться чтобы при тебе пошла бы только отделка, и не было бы мучений.

Вчера К. С. жучил Леонидова. Мы все дразнили его, что его окрещивают. Жучил Яшу. Приятно было. Фантазировал, показывал. Теперь ищет тоны. Вечером на 25-м Цезаре подносили всем главным венки. Влад. Ив. получил прелестную миниатюру — голову Цезаря-Качалова в изящной оправе.

Сегодня на репетиции был Немирович. Просмотрел, делал замечания, потом показывал что кто умеет в смысле тонов. Улавливают что-то у Качалова, немного у Леонидова. Теперь начнем крепко работать. Пока трудно писать о репетициях, еще ничего нет пока.

А знаешь — учительница у Алексеевых, с кот. сделался удар — сегодня умерла. Слава богу. А то каково бы ей было жить, парализованная, без работы, без денег!

Сулера ты увидишь конечно. Мамашу конечно свезем в театр, будь спокоен. А ей хорошо бы у нас пожить, места много. Теперь и ты скоро приедешь. Я велю шубу готовить. А то конца не будет.

Как я буду счастлива обнять тебя, глядеть на тебя. Мне будет хорошо с тобой.

Я не буду метаться. Целую мою чудную голову, мягкие лучистые глаза, все морщиночки всего целую

Твоя Оля.

57. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

Телеграмма [17 ноября 1903 г. Ялта].

Все благопалучно.

58. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

17 ноября [1903 г. Ялта].

Неужели ты, лошадка, думаешь, что я на старости лет стану носить шубу, или воротник из поддельного котика? Мне нужна шуба, которая бы:

- 1) была очень тепла и очень легка
- 2) застегивалась на пуговицы, как пальто
- 3) имела воротник из хорошего меха, не поддельного, не крысиного, а настоящего.

И чтобы шапка была такая же, как воротник. Ты скряга, между тем я отродясь не шил себе шубы, хотя расходовал очень много денег. Неужели будет плохо, если я сошью себе шубу за 300 или даже 400 р. (считая в том числе и шапку)? Вот подумай-ка с Вишневым.

У шубы должны быть рукава подлиннее, во всяком случае не коротки. Значит, теперь ты закажешь шубу? Или меня подождешь? Поступай, как находишь лучше.

Завтра уезжает мать. Погода тишайшая, а она едет на лошадях, хотя и не боится качки.

Мой юбилей будет еще не скоро, через несколько лет. Надо будет разобрать старые бумаги и письма, и посмотреть, когда я получил первый гонорар.

Нового ничего нет, все по старому. Белье и вообще содержимое чемодана возьму, как ты писала. От списка не отступлю ни на один миллиметр.

Сию без бумаги W. Испытываю мучительное раздражение уже недели три. Ну, будь здорова, господь с тобой. Обнимаю мою лошадку и целую.

Твой А.

59. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

17 ноября [1903 г. Москва] вечер.

Дорогой мой, не знаю как благодарить тебя за великолепное одеяло! Оно пре-

красно! Я не могу налюбоваться. Целую тебя крепко за него. Отдам его шить и если оно выйдет очень хорошо то ты будешь спать под ним. Хочешь? Вчера, я, милый мой, была под Сухаревкой, искала себе стол, т. к. у меня стоял стол дяди Карла который уезжает в Ковров и берет свои вещи. И представь нашла чудесный, старинный, красного дерева, знаешь такой большой, продолговатый на одной большой ноге. «Вы подумайте» — заплатила 6 р. Каково! Тебе он понравится.

Вчера играли «Столпы». Неважно как-то вышло. Всегда сломанные спектакли неприятны, т. е. замена. Сегодня репетировали с Влад. Ив. без К. С. Прошли очень мало, но уже разбирали каждую мелочь. Завтра репетиции нет, т. к. у Вл. Ив. класс декламации, а у К. С. фабрика. Муратова все ходит и жонглирует, показывает фокусы. Артем пыхтит, краснеет, старается. Москвин ищет тончик поинтереснее.

Умер Рокшанин. Читал? А Баженов какой-то неприятный, правда? Сидел сегодня довольно долго, говорит что тебя оставил в добром здравии и хорошо выглядывающим. Он тебе верно надоел? В Субботу был Членов, все спрашивает, когда ты приедешь, просил очень, очень кланяться тебе.

Сегодня опять начинается слякоть. Как обидно. Скорее бы выпадал снежок! Скорее бы ты приезжал!

Ты Костю редко видел за это время? Теперь он верно уехал? А ведь дорогу то будут строить — верно?

Вечер сегодня я занималась до 10 час. а потом пошла с Машей и Дроздовой к Эберле. Она все еще хиреет. Екатерина Шенберг возится с сердцем, плохо ей. Говорит она страшно много и все это конечно нервно, тяжело ее слушать. Харахорится она. А жалко ее.

Обедала у нас Савицкая, Швабе, приходил художник Денисов. Я теперь переполняюсь Раневской и все о ней думаю. Пишу сухо. Приезжай и смягчи меня. Я высыхаю.

Целую крепко моего любимого дорогого, целую за одеяло сто раз лишним. Крещу и обнимаю и ласкаю нежно.

Твой венгерец.

60. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

18 ноября [1903 г. Москва] вечер.

Дорогой мой, второй день нет письма от тебя. Этого не бывало. И последнее письмо было тревожное, беспокойное. Господи, когда я увижу тебя! Когда ты будешь со мной! Дусик мой родной! Скорее, скорей будь со мной.

Я сейчас была с мамой на концерте Д'Альгейм, этой интересной, своеобразной певицы, и опять она меня пленила. Это такой тонкий, изящный художник. Как она передает каждый романс! Как она заставляет переживать! Я не могла оторваться от ее лица с косенькими глазами, с удивительными углами рта, от всей ее фигуры. Какая то поразительная легкость всей ее интерпретации, поразительно тонкие детали. У меня глаза были мокрые. Больше всего мне понравилось сегодня: «Я помню чудное мгновенье» Глинки, «И скучно и грустно» Даргомыжского, «Мениск» Кюи. В последнем она нарисовала поразительную картину, как старый рыбак хоронит тело сына, прибитое волной, ставит камень и вешает вершу над могилой. Пела много Мусоргского. Я чувствую что это интересно и ново и сильно, но я мало знаю эту музыку и не могла сразу разобраться. Что-то своеобразное. Пела она еще русские народные песни. Хорошо. Если бы ты видел как мягко меняется ее лицо, какое бывает вдохновенное, а то вдруг русалочье. Удивительная женщина. И вместе с тем проста страшно. Мама моя увлеклась ужасно. Народу было много. Много знакомых. Видела Сергея Толстого с мамашей, многих которых ты не знаешь.

Был сегодня Горький но не застал меня. Приезжал за экземпляром Вишневого сада кот. ему верно дал Немирович. Хотел захватить еще раз, но не был, значит получил. Был барон Стюарт. Он хочет покупать Мелихово. Почему то торги сегодня отменили. Маша волнуется. Был Иван Павлович.

Что говорит Костя относительно своей службы? Останется он у Михайловского, если он будет строить дорогу? Напиши мне, едет ли мамаша? Едет ли Антончик? Я разревусь когда увижу тебя. Телеграфируй относительно шубы, а то скажу без твоего ведома.

Ну, иду спать, перекрещу тебя. Целую и обнимаю нежненько. «О, мое детство, чистота моя...»

Твой венгерец.

61. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

19 ноября [1903 г. Москва], вечер.

Голубчик, я так не могу! Третий день нет письма. Сегодня получила Маша письмо, из которого чувствуется что ты сильно хандришь. Отчего ты мне не пишешь все откровенно? Ну, тердишься, так и сердись в письме, ругай меня, колоти меня, я от тебя все снесу. Пиши мне грубые письма. Но не молчи. Умоляю тебя. Я знаю что я перед тобой виновата, глупо виновата. Ты в праве сердиться на меня и я слова не отвечу, только ругай в лицо.

Что значит, что мамаша так вдруг собралась в Москву? Боже мой, когда же ты приедешь? Когда, когда? Я жажду видеть тебя. Напиши когда думаешь выехать. У нас опять слякоть. Жду телеграммы относительно шубы. Если на днях не получу, заказываю на свой вкус.

У меня сегодня сильно голова болит. Еле репетировала и не занималась.

Была Анна Сергеевна, звала меня и Машу завтра к ней. Будет там чуть не вся труппа. Говорила о своем младшем 2-х летнем сынишке, что он все требует себе роль, и уже расколол два и целые дни играет. [...].

Вечером я улеглась на диван с книгами, как вдруг звонок — пришли Иван с С. Влад. и Володей. Т. е. Иван Павл. пришел гораздо позднее. Маша была у Коновицер, потом у Эберле, куда я послала за ней. Володя все играл с Шнапом, бегал, катался с ним. София Влад. рассказывала о своей школе, о том как трудно управляться с мальчиками.

Репетировали сегодня 1-ый акт. Пришла Мария Федоровна, похудевшая, и вступила в роль Вари.

Два раза прошли середину акта. К. С. не репетировал, писал *mise-en-scène*. В Субботу думаем приняться за 2-ой акт. Как начнут наворачиваться тона, так напишу тебе о всякой роли. Хотя к тому времени ты будешь уже здесь.

Ну покойной ночи, дусик ненаглядный, хотела раньше лечь, а опять уже поздняя ночь. А голова болит.

Целую тебя нежно и любовно. Это ужасно что ты там теперь один будешь. Я не могу переварить этого. Приезжай скорее.

Пиши мне ругательные письма. Я буду счастлива.

Твоя Оля.

62. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

Телеграмма [20 ноября 1903 г. Ялта].

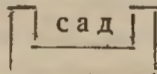
Погода заказывать шубу подожди письма. Антонио.

63. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

20 ноября [1903 г. Ялта].

Милая моя, многотерпеливая жена, лошадка моя, сегодня наконец посылка пришла. От валенок и туфель бабушка в восторге, приходила благодарить, другие туфли я поставил у матери на столе; а подочка очень красива, или показалась мне таковою. Спасибо, родная! И прости мне, прости мое ворчанье; но что же делать, если я мучился все время.

Получил план I действия. Дом будет двухэтажный; стало быть и покой

двухэтажный; но ведь во дворике, какой образуется этим покоем, солнца очень мало, тут вишни не станут расти.

Сегодня я телеграфировал тебе насчет шубы. Боюсь, что ты закажешь шубу не в виде пальто, без пуговиц, и с выкрашенным котиком. Погоди, дусик, я скоро приеду.

Была у меня сегодня Ольга Мих., присидела мучительно долго.

Полочке висеть над фотографиями как раз хорошо.

Ты ошибаешься в своем предположении, с матерью я не ссорился. Мне было больно смотреть на нее, как она тосковала, и я настоял, чтобы она уехала — вот и все. Она не крымская жительница.

Обнимаю тебя, мою добрую, чудесную, распорядительную лошадку, обнимаю и целую. Господь с тобой. Не сердись, если находишь, что я мало тебе пишу. — Мало пишу, за то много люблю.

Твой А.

64. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

21 ноября [1903 г. Ялта].

Милая лошадка, я все это время вызывал свой крутой характер, прости меня. Я муж, а у мужей, как говорят, у всех крутой характер. Только что меня позвали к телефону, говорил Лазаревский из Севастополя; сообщал, что сегодня вечером придет ко мне, пожалуй останется ночевать и опять я буду злиться. Скорей, скорей вызывай меня к себе в Москву; здесь и ясно, и тепло, но я ведь уже развращен, этих прелестей оценить не могу по достоинству, мне нужны московские слякоть и непогода; без театра и без литературы уже не могу. И согласись, я ведь женат, хочется же мне с женой повидаться.

Костя уехал наконец. Это великолепный парень, с ним приятно. Вчера был Михайловский, решили, что Костя будет во время постройки жить в Ялте.

Сегодня письма от тебя нет. Вчера я телеграфировал тебе насчет шубы. Просил подождать письма. Боюсь, что ты сердилась. Ну, да ничего, помиримся. Времени еще много впереди.

Погода совсем летняя. Нового ничего нет. Не пишу ничего, все жду, когда разрешишь укладываться, чтобы ехать в Москву. В Москву, в Москву! Это говорят уже не «Три сестры», а «Один муж».

Обнимаю мою индюшечку.

Твой А.

65. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

21 ноября [1903 г. Москва] утро.

Два письма и телеграмма от тебя — венаглядный мой! И на душе у меня смутно и нехорошо за тебя. Боже мой, как я глубоко виновата перед тобой. Я так нежно понимаю тебя, и поступаю как дворник. Несуразно. Прости за бумагу W. Я все думала что ты так себе о ней пишешь. Не может быть чтобы в Ялте не оказалось такой бумаги.

У тебя дусик характер необыкновенный, великодушный, чудесный. Не пиши мне о своем дурном характере — это пустые слова. Спасибо что о шубе написал. Теперь я знаю что делать. Завтра же заказываю, с хорошим воротником, а шапку по приезде, т. к. надо сделать по мерке. Шуба будет легка и теп-

ла — даю слово. Прости что написала о котике. Его много носят и теперь подделку не отличишь; он ведь мягкий, ласковый. Хотя воротник я решила раньше твоего письма не заказывать, подождать. А теперь могу выбрать.. Шуба будет длинная, с пуговицами, с длинными рукавами. Одним словом хорошо будет.

Сейчас едем встречать мамашу и хотим привезти ее к нам.

Вчера репетировали 1-ый акт. Все волнуются, нервничают. После репетиции заседали, решали вопрос о весенней поездке. Петербург провалился. Решено ехать на Святой в Киев и в Одессу и везти: 3 Чеховских пьесы, Одинокие, Штокмана, На дне. И ты с нами поедешь, — об этом даже говорили на заседании. После заседания поехали обедать к Тестову. Я была одна дама. Ездили: Морозов, Вишневский, Немирович, Артем, Лужский и Симов. Было уютно, приятно. Морозов хороший теперь. Приехала я домой к 9 час. и у нас сидел Миролюбов. Говорили глупости и смеялись. Я его убеждала грешить как можно больше. После 10 час. я поехала неохотно к Штекер. Там все больше были наши; какая то зеленая студенческая молодежь, было скучно. Ужинали мы, художественные, за отдельным столом; после ужина потанцовали при чем я танцевала с Конст. Серг. (старички поднялись!). Смеялись над нами. Качалов теперь герой дня. На разрыв. — Читаешь об «Измене»? Все говорят об ней твоим тоном: Да ведь это же никому не нужно. А газеты трещат. [...]. Завтра напишу подробнее, а сейчас надо на вокзал ехать. А оттуда на репетицию, разметать 2-ой акт. Целую тебя крепко, ласкаю — когда увижу? У нас гниль. Но теперь скоро.

Твоя Оля.

Вчера был Егор, умоляет дать ему твою карточку с удостоверением что-ли, что он хороший, надежный человек, и может быть сидельцем в казенной винной лавке. Будь добр напиши на своей карточке и пришли немедленно. Сделаешь доброе дело он ждет этого с лихорадкой, уже говорил о том что ты знаешь его и там ждут. Он подает прошение. Дусик пожалуйста. Не забудь, милый. А Егор потешный.

Приедешь сюда и забудешь о последних двух месяцах. Да, милый? Я заставляю тебя забыть о всех неприятностях, я буду любить тебя, нежить, ласкать.

Получилось сие из Парижа. Я вскрыла, т. к. почти угадала, что это можно вскрыть. Спрашивают твоего мнения «в упадке ли Франция». Можешь ответить по русски, не более 50 строк. Не хочешь ли позабавиться? Будут печатать..

66. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

Телеграмма [21 ноября 1903 г. Москва].

Мамаша приехала погоди выезжать погода скверная теперь уже скоро увидимся. Венгерец.

67. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

21 ноября [1903 г. Москва] вечер

Утром писала тебе, дорогой мой и теперь опять пишу, после Одиноких. Мамашу встретила. Приехала она благополучно с Настей. Нагрузились на извозчиков и привезли их к нам. Мамаша пока до твоего приезда в твоём кабинете, поставили ей кровать туда. Я устала сегодня. С вокзала, только что привезла мамашу — поскакала на репетицию и получила выговор за опоздание. Второй акт по декорации будет великолепен — такого пейзажа еще не было. Широко, вольно и живописно. Только бы тоны скорее! Завтра идет 2-ой и 1-й акты. Я вот пишу тебе и ежеминутно прерываю, начинаю думать о роли и забываюсь. Я это люблю. Какое мучение, пока не поймашь основного тона, пока не влезешь в роль как в перчатку! А знаешь — Раневская трудна именно своей «легкостью».

Дуся моя, ты наверное думаешь что я забыла тебя, в особенности этот глупый случай с бумагой W наводит тебя на эти мысли. Нет, нет, милый мой. Просто я вроде недотепы стала. Все забываю, ничего не помню, треплюсь как-то, и все хотелось послать тебе чего нибудь хорошенького. Прости, умоляю и не вспоминай об этом. И когда приедешь не надо говорить об этом.

Мы с тобой вместе пойдем смотреть «Измену» — Южина. Хочешь? Я не пойду пока. Я обожаю бывать с тобой в других театрах. 23-го утром читает Немирович 1-ый акт Вишневого сада в Об-стве

любителей русск. словесности. Жаль что я не услышу всех литераторов. Буду на репетиции. В «Измене» очень хороша Ермолова и Ленский. Смысл всей пьесы тот, что Южин излил свою любовь к грузинскому народу; успех таков как напр. успех Измаил-Бей.

Дуся, ты рад что поедем на юг? Какое счастье — будем вместе. Я всегда буду чувствовать моего дивного, моего милого Антона около себя, буду ласкаться, не буду засыхать. Тебе эта поездка улыбается? Напиши мне.

Настя вроде обалделой в Москве. Но кажется ужасные московские извозчики и ее поразили. Москва вообще имеет ужасный вид, грязная, изрытая, едешь, так боишься кишки потерять. Будь добр, пришли свою карточку с неск. строками для Егора. Он ждет как манны небесной. — Вишневский хромает, что-то с ногой у него.

Иду спать, милый мой. Мамаша похрапывает рядом. Яблоки и груши удивительные. Хризантемы стоят в столовой на столе. Обнимаю, ласкаю моего сердитого мужа.

Твоя лошадка.

68. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

23 ноября [1903 г. Ялта].

Здравствуй, венгерская лошадка, как поживаешь? Скоро ли выпишешь своего мужа? Вчера с утра до обеда у мужа сидел учитель из Гурзуфа, очень интересный молодой человек, который все время забирал в рот свою бородку и силится говорить о литературе; от обеда, впрочем с 3-х часов до вечера сидела у меня приятнейшая начальница гимназии с какой то классной дамой, которую она привела, чтобы на меня посмотреть; — Был и Лазаревский, все время, не умолкая говоривший о литературе. И как же досталось тебе! Я сидел с гостями, слушал, мучился и все время ругал тебя. Ведь держать меня здесь в Ялте — это совсем безжалостно.

Михайловский говорил, когда был у меня в последний раз, что Костя будет на постройке одним из главных, будет жить в Ялте. Это я отвечаю на твой вопрос насчет Кости.

Получил от Меерхольда письмо. Пишет, что уже неделя, как лежит, что у него кровь идет горлом.

Конст. Серг. хочет во II акте пустить поезд, но, мне кажется, его надо удерживать от этого. Хочет и лягушек и коростелей.

Шарик становится очень хорошей собакой. Лает и днем, и ночью. Зубы только остры у подлца.

Пришла М-те Средина. Будь здорова, дусик. Чуть было не написал — дурик. Темно становится. Обнимаю мою козявку.

Твой А.

69. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

23 ноября [1903 г. Москва] утром.

Я, милый мой, теперь обалделая, прости. Никак не овладею Раневской, думаю, пробую и все мне кажется нерельефно, неинтересно, старо. Начинаю мучиться. Вчера вечером не смогла писать тебе, т. к. занималась до 3-х час. ночи. Днем была на репетиции и ничего у меня не выходит и к тому же уставши была физически. После обеда ходила в монастырь Страстной отдавать одеяло стегать. Пришла — а у нас Эберле, Дроздова, потом пришел Влад. Ив., Иван с Софьей Влад. Сидели, разговаривали, потом ужинали. Мамаша чувствует себя хорошо, спит хорошо, кушает с аппетитом. Маша едет сейчас с Иваном в Университет, слушать лекторов. Я побегу на репетицию. Нашему Шнапу хотя прислать повестку из театра, с приглашением принять участие в I-м акте Вишневого сада¹.

Сегодня и завтра репетируем без Влад. Ив. Сегодня он читает в Университете, завтра — именины его жены.

У Конст. Серг. Гаев выйдет хорошо. Мне нравится. У Качалова выйдет. Хотя Качалов теперь в такой моде, что ни сделай — все понравится.

Когда же у нас будет зима?! Это прямо ужасно. Сегодня опять выпал снежок и опять слякоть. Природа против нас, дорогой мой. Но не будем унывать. Будем надеяться что скоро все это устроится. Дуся, ты охладел ко мне или нет? Скажи. Вот уже 2 месяца мы не видели друг друга. Как хорошо будет встретиться! Ты опять будешь стараться сделать хладнокровную физиономию и равнодушный тон, — а не выйдет вдруг, а?

Яблоки наши великолепны, а груши пахнут черемухным мылом, слишком ду-

шистый сорт и вместе с тем пресные какие-то.

Мамаша тебе кланяется. Мы все смеялись над ней, как она не могла разобратся у нас в комнатах и путалась все.

Дуся моя, как это ты там один живешь? «Господи, господи, прости мне грехи мои» — скажу вместе с Раневской. Тебе здесь будет хорошо, я уверена слепо в этом, не будешь чувствовать себя хуже чем в Ялте. До завтра, дорогой мой! Тебя сердят мои письма? Целую и милую тебя.

Твоя Оля.

70. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

24 ноября [1903 г. Москва].

Дорогой мой, милый мой, здравствуй! Сегодня — 2°, морозит слегка, и если так продержится дня два, три, то телеграфирую тебе, заказывай билет и приезжай. Мамаша в добром здравии, очень кланяется тебе, сокрушается что ты там один и не дожждется твоего приезда.

Вчера я целый день была в театре, только обедала дома. Репетировали 2-ой акт. Повторяли сценку с прохожим и с звуком¹. Хорошо это будет. Я нашла смех для Раневской. Конст. Серг. велел заниматься мне дома непременно в изящном платье, чтобы я привыкла чувствовать себя хотя приблизительно шикарной женщиной. Я взяла платье из «Мечтов»² и буду в нем работать. По технике это адски трудная роль. Спасибо милый мой супруг. Задал ты мне задачу. У меня теперь ни минуты нет покоя. Можешь меня ревновать к Раневской. Я только ее одну и знаю теперь.

Знаешь, какой вчера днем вышел скандал в университете? Заседание не состоялось. Студентам дали слишком мало билетов, они столпились, выломали двери в актовую залу, заняли все места и не пустили публику. Как тебе это понравится? Так все и разошлись, и участвующие и публика. Послушаем сегодня что из этого выйдет. Все таки безобразие. Может быть тут другие причины были. Но факт небывалый. Влад. Ив. приехал во фраке и доложил нам о случившемся во время репетиции.

Вчера на «Дяде Ване» была Ермолова. Играли с вкусом, вызывали много и

Ермолова была в восторге. Я ужасно заволновалась: в 1-м акте, когда сажусь за чайный стол, попала глазами прямо в глаза Ермоловой, сидевшей во 2-м ряду. У меня от этого сюрприза коленки задрожали. И волновалась весь спектакль.

Обедали у нас Иван Павл. и Бунин. Потом был Сулержицкий, я с ним славно поболтала. Он жаждет тебя видеть. Качалов читал ему роль и он в диком восторге от Трофимова и хочет с тобой поговорить. Говорили о Горьком, о том, кто его окружает. Я люблю Сулера. Он какой-то особнячок, свежий сам по себе. Мне легко с ним. — Жена Чирикова уезжает в Нижний, служить в театре. Я за нее рада. С нее сняли опалу. Ведь у нее было какое-то недоразумение по поводу одного стихотворения яко бы не легального, кот. она прочла. Теперь успокоится, и с детьми опять будет.

Сегодня нет репетиции, и вечером я свободна.

Ну будь здоров, милый мой, не увлекайся Ольгой Михайловной. Ворчать на меня можешь, и колотить можешь, и мне будет приятно.

Целую тебя, и радуюсь что скоро увижу моего нежного поэта.

Твоя Оля.

71. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

25 ноября [1903 г. Ялта].

Дуся, немецкая лошадка, посылаю рекомендацию, о которой ты писала. Думаю, что я так написал. Если же не так, то пусть Егор подождет немного. Скажи ему, что я решил подождать еще немного, и если жена меня не вызовет наконец, то я уеду в Москву без всякого позволения. Так и скажи ему.

Получил письмо от Сулера. Пишет, что у вас в театре не совсем благополучно, будто какие то недоразумения. Если это правда, то жаль. Но, думаю, тут пустяки, одни разговоры да слухи.

Ольга Михайловна выехала, теперь в Москве.

Мать приехала в Москву и вы т. е. ты и Маша убедились наконец, что никаких у нас с ней недоразумений не было. Выехала она, потому что ей было очень, очень скучно, я настоял. Мне кажется, что в декабре она уже начнет

скучать в Москве, и тогда может поехать с Машей опять в Ялту.

Погода изумительная, райская, ни одной склопендры, ни одного комара; но боюсь, как я на пароход, так и задует. Арсений полнеет, благодушествует. Шарик вырос, лает днем и ночью.

Значит Немирович не читал моей пьесы в Общ. любителей слов? Началось с недоразумений, недоразумениями и кончится — такова уж судьба моей пьесы.

Если шуба будет тяжелой, то не проси тогда милости, отколочу, избыю в дребзги. Не вели класть ваты, не лучше ли какой нибудь пух в роде, скажем, гагачьего.

Если увидишь Костю раньше меня, то скажи ему, что Софья Павловна выздоровела.

Ну, обнимаю тебя и, схватив на руки, начинаю прыгать. Господь с тобой.

Твой А.

Не скупись, старайся, чтобы шуба была полегче, ведь мне и в пальто теперь тяжеловато.

72. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

25 ноября [1903 г. Москва] утро.

Сегодня ночью меня разбудили телеграммой от твоей подруги Ольги Михайловны. Извещает что выезжает 25-го и остановится там-то. Как тебе это понравится? На что она мне? Как глупо. Ты ей что ли велел телеграфировать?

Костя значит уехал? Как я рада что он тебе нравится! Про дорогу я ничего не знаю. Будет она строиться? Костя успокоился? Никто об этом ничего не пишет. Хоть бы написал — да или нет.

Сегодня опять потеплело, на ноле. Как скучно.

Относительно шубы не беспокойся. Будет хорошая, с пуговицами. Прости, я сама ошиблась насчет котика. Он считал с настоящим котиком, а я ошиблась, написала что с поддельным. А по моему лучше с бобровым, пушистым. Только на 50 р. дороже. И шапку бы с бобровой опушкой. Чудесно будет. Ну, это при тебе решим. Я уже велела кроить и подготавливать. В день приезда примеришь и дня через два получишь красоту, а не шубу. — Я, дуся, ни на что не сержусь, не думай. Ты ни в чем не виноват.

Я очень рада что полочка понравилась. Она мне по вкусу. Я вчера, дорогой мой ездил поздравлять Ек. Н. (Немирович-Данченко). Салон был в полном разгаре: масса женщин, мужчин, светский discours! Е. Н. в белом платье, с белым бантиком в волосах, всем подносила шампанское. Ее задали цветами, тортами... Разносили шоколад, фрукты. Видела Южных, М-ме Ленскую, Эфроса, которого побранила, Кругликова, Маттернов, женатого Гарденина (брата Влад. Яков.), Желябужского, остальные большинство пустые имена для тебя и меня. Из наших были Алексеевы, Москвин, Адашев, Александров. Посидели недолго. Днем еще ездила к своей старухе тетке, ее приемная дочь тоже Катерина. Они обе старые девы, дочери уже лет 40. При них великолепный кот и пёсик в попонке, т. к. он облезлый и они его лечат. Какая гадость. Я туда попадаю раза 2 в год. Вечер сидела дома, занималась, раскладывала пасьянс с мамашей. Маша была у Екат. Шенберг на именинах.—Сейчас мамаша уехала с Настей к Ивану, до вечера. Приходил Мелиховской Роман. Маша хочет его устроить опять туда же к Стюарту.

Если до 10-го совершится купчая, то Мелихово принадлежит Стюарту.

Сегодня Шнап получил повестку из Театра. Поведу его на репетиции. Воображаю как это будет.

Целую тебя, моего дорогого, не дожусь тебя. Обнимаю и ласкаю.

Твоя индюшка.

73. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову

26 ноября [1903 г. Москва] утро.

Доброе утро, дорогой мой. Как себя чувствуешь? Как ночку спал? Венгерец не снился тебе? Кукиши опять будешь показывать по утрам? Хотя здесь ведь мы вместе будем спать и не будет утреннего моего прихода, прямо из моря. Я обливаюсь каждое утро в ванне, вода 20°. Приятно.

Сегодня—5°. У нас замазывают все окна, т. ч. пишу в столовой. Мамаша сидит тут же и читает Новости, возмущается что печатают кого принимал Великий Князь. Она здорова, вчера была у Ивана. Просит кланяться тебе и сказать что ждет тебя скорее сюда.

Иван вчера рассказывал, что Вел. кня. Конст. Конст. был в кадетском корпусе, и во время угощения видел Володю, спросил родня ли он тебе. Тот смело отвечал. Конст. Конст. спросил о твоём здоровье и много говорил с ним. Вот тебе. Был Конст. Конст. и у нас на Цезаре, очень ему понравилось, ходил на сцену чтобы видеть как вертится сцена.

Репетировали вчера 2-ой акт, без Конст. Серг. Приводила я Шнапа, он пока только погулял, осмотрелся на сцене, а сегодня вот будет 1-ый акт и он попробует действовать. Боюсь что он слишком порывистого темперамента, без выдержки и дрессировки. Посмотрим. Вчера с хохотом принимали его.

Обедали у нас Надежда Ивановна и Дроздова, позднее приехала мамаша с Ваней. «Одиноких» играли хорошо, исгерики не было. Качалов очень осведомляется о тебе, ждет твоего приезда, с улыбкой говорит, как мы будем тебе играть Столпы, «На дне». А воображаю твое лицо во время Столпов!—Лилина была на «Измене», и хохочет, не понимает как могут артисты тратить темперамент на такую пьесу. Мы с тобой пойдем, дусик?

Маша вчера была в кружке, говорит что было смешно, ругались декаденты. В Субботу собираюсь и я пойти, послушать чтение.

Пришел дядя Саша из Манежа, просит закуски и водки, а сам уже немного накачался. Объясняется в любви мамаше, смешит, я смеюсь глядя на них. Под их говор кончаю письмо. Целую тебя милый мой, нежно, ласково, жажду видеть тебя.

Твоя Оля.

74. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер

27 ноября [1903 г. Ялта].

Дусик, собачка нужна в 1 акте мохнатая, маленькая, полудохлая, с кислыми глазами, а Шнап не годится. Очевидно, мне будет позволено приехать в Москву в августе, не раньше. Милая моя начальница, строгая жена, я буду питаться одной чечевичей, при входе Немировича и Вишневецкого буду почтительно вставать, только позволю мне приехать. Ведь это возмутительно—жить в Ялте и от ялтинской воды и великолепного воздуха

бегать то и дело в W. Пора же вам образованным людям понять, что в Ялте я всегда чувствую себя несравненно хуже, чем в Москве. Было спокойное, тихое море, а теперь бурлит, высокие волны хватают до самого неба, и дождетесь вы того, что погода так испортится, что нельзя будет ни выехать, ни доехать.

Я приеду в спальном вагоне; шубу не тащи в вагон, будет холодная, я надену ее в вокзале.

Какой ты стала скрягой! Ты скоро будешь наклеивать на письма марки уже бывшие в употреблении. Отчего ты ничего не телеграфируешь? Я боюсь, что приказ ехать в Москву ты пришлешь по почте, а не по телеграфу. Я тебе отдам десять рублей, только не скупись, телеграфируй мне, не жадничай.

Скажи матери, что стекло от очков, оказалось, было обронено Варварой Константиновной, которая, кстати сказать, обещала побывать у меня еще до моего отъезда.

Стало холодно. Погожу немного, если не напишешь, или не телеграфируешь, чтобы я приехал, то уеду в Ниццу, или куда нибудь, где повеселее.

Обнимаю тебя, лошадка. Господь с тобой, моя радость. И так, я жду и жду.

Твой А.

75. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
[29 ноября 1903 г. Москва].

Морозит поговори Альтшулером и выезжай телеграфируй целую.

76. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер
29 ноября [1903 г. Ялта].

Я уже не знаю, лошадка, что мне делать и что думать. Меня упорно не зовут в Москву и, повидимому, не хотят звать. Написала бы откровенно, почему это так, что за причина, и я не терял бы времени, уехал за границу. Если бы ты знала, как скучно стучит по крыше дождь, как мне хочется поглядеть на свою жену. Да есть ли у меня жена? Где она?

Больше писать не стану, это как Вам угодно. Писать не о чем и не для чего.

Если получу сегодня телеграмму, то привезу тебе сладкого вина. Если же не получу, то кукиш с маслом.

Шнап, повторяю, не годится. Нужна та облезлая собачонка, которую ты видела, или в роде нее. Можно и без собаки.

Ну, обнимаю тебя.

Твой А.

77. А. П. Чехов — к О. Л. Книппер
Телеграмма [30 ноября 1903 г. Ялта].

Выезжаю вторник.

78. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
[30 ноября 1903 г. Москва].

Жду телеграммы писем не пишу.

79. О. Л. Книппер — к А. П. Чехову
[1 декабря 1903 г. Москва].

Не выходи из вагона жди меня теплее одевайся.

П Р И М Е Ч А Н И Я

(К письму 1)

1. Мария Павловна Чехова, сестра Антона Павловича.

2. Вишневский Александр Леонидович (род. в 1833 г.), заслуж. деятель искусства, герой труда.

(К письму 3)

1. Комизм сцены заключается в том, что Андрей, которому Вершинин — Станиславский по ошибке представился в качестве «Прозорова», сам-то и есть Прозоров.

(К письму 5)

1. Лилина (Алексеева, урожд. Перевощикова) Мария Петровна, артистка Москов-

ского Художественного театра, народная артистка республики, жена К. С. Станиславского. Исполнительница ряда ролей в пьесах Чехова: Маша — в «Чайке», Сони — в «Дяде Ване», Наташи — в «Трех сестрах», Ани — в «Вишневом саде».

(К письму 6)

1. Чехов Михаил Павлович (1865—1937), младший брат писателя, по образованию юрист. Его перу принадлежит ряд трудов биографического характера об Антоне Павловиче.

(К письму 10)

1. О получении «Вишневого сада».

(К письму 13)

1. Ответ на опасение Чехова, высказанное в его письме от 12 октября (№ 1), что в пьесе «должна чувствоваться некоторая тягучесть», так как она слишком долго писалась.

2. В. И. Немирович-Данченко послал Чехову две телеграммы: первую — 19 октября, которую здесь и имеет в виду О. Л. Книптер, вторую — на другой день, после прочтения пьесы всей труппе. В первой Немирович-Данченко писал: «Мое личное впечатление — как сценическое произведение может быть больше пьеса, чем все предыдущее: сюжет ясен и прост, в целом пьеса гармонична, гармонию немного нарушает тягучесть второго акта. Лица новы, чрезвычайно интересны и дают артистам трудное для выполнения, но богатое содержание. Мать великолепна. Аня близка к Ирине («Три сестры»), но новее. Варя выросла из Маши, но оставила ее далеко позади. В Гаеве чувствую превосходный материал, но не улавливаю его образ так же, как графа в «Иванове». Лопехин прекрасен и взят ново, все вторые лица, в особенности Шарлотта, особенно удались. Слабее кажется пока Трофимов. Самый замечательный акт по настроению, по драматичности и жестокой смелости последний, по грации и легкости превосходен первый. Нов в твоём творчестве яркий и сочный драматизм: прежде был преимущественно лирик, теперь истинная драма, какая чувствовалась разве только в молодых женщинах «Чайки» и «Дяди Вани»; в этом отношении большой шаг вперед, много вдохновенных мазков. Не очень беспокоят меня, но не нравятся некоторые грубости деталей, есть излишества в слезах. С общественной точки зрения основная тема не нова, но взята ново, поэтично и оригинально. Подробно напишу после второго чтения; пока благодарю и крепко целую». Вторая телеграмма гласила: «Сейчас прочел пьесу труппе, впечатление громадное, сильнейший трепет и мысли и чувства, возбуждение большое и великолепное, общий голос, что творчество ширится и крепнет, подробно напишу».

3. Здесь впервые в переписке О. Л. Книптер и А. П. Чехова затрагивается тема, глубоко взволновавшая писателя и отразившаяся в ряде писем. Сотрудник газеты «Новости дня», театральный критик Н. Е. Эфрос, поместил 19 октября 1903 г. в названной газете статью «Вишневый сад», излагающую содержание пьесы с такими искажениями, которые должны были быть Чехову особенно неприятны. Лопехин трактовался здесь как заправский кулак, чего Чехов очень опасался, указывалось, что третье действие переносится в город и протекает в гостинице, и ряд других. Множество газет перепечатали статью со всеми искажениями. Помимо того, что всякая фактическая неточность всегда возмущала Чехова, его заставило насторожиться следующее обстоятельство: сам Эфрос рукописи в руках не имел, а это позволяло предположить, что источником искажений является поверхностное и превратное восприятие

пьесы в театре, откуда черпал сведения Эфрос.

(К письму 14)

1. К. С. Станиславский в ответ на короткое письмо Чехова от 10 октября, с просьбой не сердиться за промедление с пьесой, пишет: «Я сержусь на Вас? Разве я не понимаю, что Вы не можете писать пьесу к сроку и по заказу. Для этого надо быть бездарным Крыловым, а не гениальным Чеховым». В дальнейшем Станиславский переходит к описанию очередного спектакля «Трех сестер» и сообщает: «Вчера был радостный день. Мы все ожили после Цезаря... Мы играли после долгого перерыва, 3-х сестер. Повторилась прошлогодняя история на репетиции — сошлись, чтобы проговорить пьесу, увлеклись и сыграли ее для себя во весь тон. Вчера играли вторично перед публикой. Давно я не играл с таким удовольствием».

2. По договору с Марксом Чехов оставлял за собою право на однократное опубликование своих новых произведений лишь в «современных изданиях или в литературных сборниках с благотворительной целью».

(К письму 16)

1. Текст телеграммы Станиславского (Алексеева): «Сейчас только прочел пьесу, потрясен, не могу опомниться, нахожусь в необычном восторге, считаю пьесу лучшей из всего прекрасного Вами написанного, сердечно поздравляю гениального автора, чувствую, ценю каждое слово, благодарю за доставленное уже и предстоящее большое наслаждение». Вслед за телеграммой Станиславский послал Чехову и письмо, в котором подробнее изложил свое впечатление от «Вишневого сада». «По-моему, — писал он, — «Вишневый сад» — это лучшая Ваша пьеса. Я полюбил ее даже больше милой «Чайки». Это не комедия, не фарс, как Вы писали, — это трагедия, какой бы исход к лучшей жизни Вы ни открывали в последнем акте. Впечатление огромное и это достигнуто полутонами, нежными акварельными красками. В ней больше поэзии, лирики, сценичности, все роли, не исключая прохожего — блестящи. Если бы мне предложили выбрать себе роль по вкусу, — я бы запутался, до такой степени каждая из них манит к себе. Боюсь, что все это слишком тонко для публики. Она не скоро поймет все тонкости. Увы, сколько глупостей придется читать и слышать о пьесе. Тем не менее успех будет огромным, так как пьеса забирает. Она до такой степени цельна, что из нее нельзя вычеркнуть слова. Может быть я пристрастен — но я не нахожу никакого недостатка в пьесе. Есть один: она требует слишком больших и тонких актеров, чтоб обнаружить все ее красоты. Мы не сможем этого сделать. При первом чтении меня смутило одно обстоятельство: я сразу был захвачен и зажил пьесой. Этого не было ни с «Чайкой», ни с «Тремя сестрами». Я привык к смутным впечатлениям от первого чтения

Ваших пьес. Вот почему я боялся, что при вторичном чтении пьесы не захватит меня. Куда — тут!.. Я плакал, как женщина, хотел, но не мог сдержаться. Слышу, как Вы говорите: «позвольте, да ведь это же фарс»... Нет, для простого человека — это трагедия. Я ощущаю к этой пьесе особую нежность и любовь. Я почти не слышу критики, хотя актеры любят критиковать. На этот раз как-то все сразу подчинилось. Если же и раздается голос критики, я улыбаюсь и не даю себе труда спорить. Я жалею критикующего. Кто — сказал: самый лучший акт 4-ый, а наименее удачный это 2-й. Мне смешно, и я не спорю. Начинать ролью припоминать сцену за сценой 2-й акт и уже это лицо сбито с толка. 4-й акт хорош именно потому, что 2-й акт великолепен — и наоборот. Я объявляю эту пьесу вне конкурса и не подлежащей критике. Кто ее не понимает, тот дурак. Это мое искреннее убеждение. Играть в ней я буду с восхищением все и если было бы возможно хотел бы пережить все роли, не исключая милой Шарлотты. Спасибо Вам, дорогой Антон Павлович, за большое наслаждение уже испытанное и предстоящее. Как бы я хотел бросить все, освободиться от яра Брута — и целый день жить и заниматься «Вишневым садом». Я его еще больше возненавидел после милого «Вишневого сада». Крепко жму Вашу руку и прошу не принимать меня за психопатку».

2. Лакей; фамилия не установлена.

3. Художница Н. Я. Давыдова обещала Чехову вырезать для него из дерева модель старинного русского города. Она выполнила это позднее.

(К письму 18)

1. «Дачники».

(К письму 22)

1. Так назывался литературный кружок, организовавший в 1899 г., просуществовавший до 1918 г. и объединивший наиболее видных писателей-реалистов того времени. В него входили: Горький, Андреев, Бунин, Скиталец, Телешов, Серафимович, Вересаев, посещали его заседания и писатели старшего поколения, Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк. Заседания происходили по средам, — что и дало название кружку, и состояли в том, что писатели читали свои еще неопубликованные произведения и последние подвергались обсуждению со стороны присутствующих. На заседаниях «Среды» впервые было оглашено не мало значительных произведений, как напр., «На дне» Горького, «Господин из Сан-Франциско» Бунина и др. Собирались кружок первые годы на квартире у Н. Д. Телешова, а впоследствии в так наз. Литературно-Художествен-

ном Кружке, имевшем свое обширное помещение.

(К письму 32)

1. Временным председателем назывался в Обществе Люб. рос. сл. товарищ председателя.

(К письму 36)

1. На вопросы о характере дома в «Вишневом саду» Чехов дает ответ в письме от 5 ноября к Станиславскому: «Дом должен быть большой, солидный, деревянный (вроде Аксаковского, который кажется известен С. Т. Морозову), или каменный, это все равно. Он очень стар и велик, дачники таких домов не нанимают; такие дома обыкновенно ломают и материал пускают на постройку дач... Когда покупают такой дом, то рассуждают так: дешевле и легче построить новый поменьше, чем починить этот старый».

(К письму 47)

1. В письме от 5 ноября Станиславский пишет: «Не знаю почему, — мне очень хочется видеть 3 и 4 акты в одной декорации. В последнем акте разрушенной и приготовленной к отъезду. Это право не из дурной сентиментальности. Мне чувствуется, что так пьеса будет уютнее, что публика сроднится с домом... При одной декорации для 2-х актов — однообразия не будет, так как опустошение дома изменит совершенно настроение 3 акта». Чехов отвечал Станиславскому: «Конечно, для III и IV актов можно одну декорацию, именно с передней и лестницей. Вообще, пожалуйста, насчет декораций не стесняйтесь, я подчиняюсь Вам, изумляюсь и обыкновенно сижу у Вас в театре, разинув рот. Тут и разговоров быть не может, что Вы ни сделаете, все будет прекрасно, во сто раз лучше всего того, что я мог бы придумать».

(К письму 69)

1. Шарлотта Ивановна в «Вишневом саду» водит на цепочке собачку.

(К письму 70)

1. Во втором акте «Вишневого сада» есть авторская ремарка: «Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс. Вдруг раздается отдаленный звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Любовь Андреевна: Это что? Лопухин: Не знаю. Где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко».

2. Т. е. платье Широковой из пьесы В. И. Немирович-Данченко «В мечтах», роль которой исполняла О. Л. Книппер.